

ТЭРРИ БЛЭКВУД

ПСЫ
И
УБИЙЦЫ

Терри Блэквуд
Псы и Убийцы

«Автор»

2026

Блэквуд Т.

Псы и Убийцы / Т. Блэквуд — «Автор», 2026

Капитан Брауни уже долгие годы занимается перевозкой магической руды из восточных провинций Мирфелла. Жизнь капитана скучна и предсказуема, пока в руки ему не попадают карта и ключ от проклятого сундука, за которым охотится весь континент. Сможет ли капитан добраться до сокровищ, если всё предрекает ему гибель, а на горизонте маячит загадочная тень призрачного корабля?

© Блэквуд Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Где-то здесь всё и началось	6
Глава 2. Трудности чтения	9
Глава 3. Запахло жареным	12
Глава 4. И это пройдёт	15
Глава 5. В которой Брауни ведёт дела	21
Глава 6. Дела суетные	24
Глава 7. Встреча с кораблём	28
Глава 8. Новая попытка и новая неудача	31
Глава 9. Брауни штурмует дворец	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Терри Блэквуд Псы и Убийцы

Дорогой читатель этой рукописи!

История, произошедшая на борту «Невезды», может показаться тебе выдумкой или той байкой, которую обычно рассказывают всякие пьяницы в портовых тавернах. Отчасти оно так и есть: мне её поведало сразу несколько участников той злосчастной экспедиции. Судя по тому, с какой охотой они делились подробностями за пинту пива — у каждого из рассказчиков они были свои — верить им не стоит. Однако я всё же смог понять, что случилось с легендарным корсаром Мирфелла: Томасом Джоном Фишером.

Я проделал немалый путь через многие страны Фуэры, и почти в каждой мне удалось найти человека, знавшего сэра Брауни лично. Упомянутое имя здесь звучит не случайно: именно так при жизни сэр Томас Фишер называл себя и требовал, чтобы его звали другие. Однако сейчас это не является предметом нашего интереса в отличие от знаменитой экспедиции сэра Томаса, прошу прощения, Брауни по поиску сокровищ «Полуночного солнца». Будет излишним упоминать о тёмных временах Мирфелла, наступивших после того, как его моря начал бороздить призрачный корабль.

Итак, ваш покорный слуга собрал всё удивительное путешествие знаменитого капитана Брауни и его приключениях на каравелле «Невезда».

Ваш Эндрю Чаттербокс,

Писатель, энтузиаст и любитель морских экспедиций

5-й год после снятия барьера

(1596 год после пробуждения Гелиора)

Глава 1. Где-то здесь всё и началось

Утром 16 апреля 10-го года после становления барьера капитану Брауни принесли письмо, обнаруженное в промасленной бочке, дрейфующей в водах необъятной реки Лотии. В бочке также находилось старое тряпье, обрывки бумаги, проржавевший от соли кинжал, россыпь монет разных стран, ключ и потрёпанный свёрток, в котором и таилось послание. После получения столь странного груза капитан, к счастью младших офицеров, заперся в своей каюте, напрочь забыв об утреннем обходе. Не появился он и после того, как флотилия с «Золотой ланью» вошла в дельту реки Лотии: самое опасное, с точки зрения видимости и возможности нападения, места на реке.

Лотия — нейтральные воды, контролируемые патрульными кораблями Мирфелла и Фелморы, которые не допускают проникновение пиратских кораблей Вандернихта и прочих безродных разбойников. Лотия также связывает эти две страны с Золотым городом: главным местом торговли во всей Фуэре. «Золотая Лань» на протяжении последних десяти лет занималась исключительно каботажными рейсами, перевоза магическую руду из восточных провинций Мирфелла в столицу Рейнгард.

Не вышел капитан Брауни и к вечернему обходу, что насторожило уже не только старших офицеров, но и даже приставленных солдат капитана Сиденхейма. Площадка перед каютой капитана ненароком стала местом удивительных встреч даже тех отдельных групп людей, которые в силу своей должности и работы не пересекались на галеоне. У каюты капитана Брауни также было замечено несколько мышей, и пара кур. Последние, однако, оказались там по рассеянности мальчишки-юнга, не закрывшего клетку с птицами. Бедолага уже битый час гонялся за птицами под смех всех офицеров. В отсутствии капитана моряки довольно сильно расслабились: очередной рейс подходил к концу, и совсем скоро они окажутся в одном из многочисленных кабаков Рейнгарда, работы хоть и было много, но большая её часть всё же оставалась позади. Последние недели все на корабле находились в особо взволнованном состоянии.

Вести о загадочном чёрном корабле преследовали их в каждом порту. Моряки — народ суеверный, но и всяким рассказам про русалок верить вряд ли станет. Но находились очевидцы, и даже якобы выжившие, собиравшие вокруг себя толпы любителей разевать рты и пригубить пару пинт эля под хорошую историю. Многие утверждали, что видели призрачный корабль вдоль восточных берегов Мирфелла, или недалеко от порта Сандракара — бывшей свободной Коабаны. Были и те, кто считал, что не иначе как сам Дейви Джонс пришёл наказывать моряков за все их грехи. С каждой такой историей боевой дух моряков падал всё сильнее, а желание отправиться в восточные края становилось всё меньше. В конце концов, капитану Брауни пришлось запретить экипажу спускаться на берег до окончания рейса. Сам капитан магию не любил, а посему ни в русалок, ни в призрачные корабли не верил.

День шёл к завершению, нижние палубы уже успели проиграть все деньги в карты, а на соседних палубах стоял храп, от которого тряслись переборки. Квартирмейстер Джек Боливер, наконец, решил навестить капитана. Это был угрюмый малый с седой проседью на слегка приплюснутой голове, тощими ногами и огромными ручищами, которые дали оплеуху минимум по одному разу каждому из находившихся на корабле. Исключением были только солдаты, поскольку не находились под его командованием. Джек был особо предан своему делу, поэтому, услышав его голос на нижней палубе, матросы тут же попрятали все карты и усиленно принялись делать вид, что заняты уборкой, проверкой оснастки и тасканием воды в камбуз.

На этот раз им крупно повезло: Джек Боливер не заметил валявшуюся недалеко от румпеля пригоршню забытых впопыхах медяков. Его внимание больше привлёк младший офицер, развалившийся на своей лежанке. От грохота сапог Джека затряслась вся палуба, и, кажется,

даже мыши забились в мешки с зерном где-то в трюме. Подлетев к несчастному, Боливер со всего размаха пнул того по ногам, отчего младший офицер тут же вскочил с кулаками наготове, но увидев разъярённое лицо квартирмейстера, тут же поник. Джек притянул к себе побледневшего юношу за шкуру, пообещав тому встречу с Дейви Джонсом, если тот ещё раз посмеет дремать на койке в неположенное время.

Молодой офицер попытался что-то ответить, но за это получил оплеуху, а затем и ещё одну. Никто не стремился вмешиваться в разыгравшуюся сцену — все они были не без греха, особенно сегодня. На галеоне царило негласное правило: если уж квартирмейстер прописал тебе оплеуху, то в своё же благо будет лучше замолкнуть.

Без того суровое, загорелое лицо Джека исказила гримаса злобы. Такова была его натура: если Джек и злился — что справедливости ради бывало нечасто — то злость его была похожа на шторм в южных морях. Громко, сильно, с возможностью сломать несколько рёбер тем, кто решил высунуться в неподходящий момент, но меж тем стихающий также быстро. Старину Джека хоть и боялись за его неукротимый нрав, в то же время весьма уважали, ведь он был единственным человеком на корабле, который, не стесняясь выражений, мог высказать капитану все свои недовольства и при этом не оказаться привязанным к бушприту.

Джек уже замахнулся ещё раз, чтобы проучить нерадивого юнца. Как звенящий голос капитана пронёсся по палубам и остановил кулак квартирмейстера в паре сантиметрах от лица офицера.

— Разберёшься с ним позже, Джек. Ты мне нужен в каюте.

Голова Брауни показалась в решётке, через которую проступал свет с верхней палубы. Все, включая квартирмейстера и юнца, который еле держался на ногах — больше от страха, чем от побоев — вытянулись по струнке. Капитану было около сорока лет, на его заострённом и просоленном всеми морскими ветрами лице виднелись шрамы от оспы и от плети, которую он получал ежедневно вместо ужина, когда был в рабстве на плантациях Ветряных островов.

Капитан Брауни был лучшим корсаром Мирфелла и верным сторонником короны. Это позволило ему не только получить новенький галеон и корсарский патент, но и перейти из разряда мелких пиратов, орудовавших вдоль берегов Лотии в полноценного члена высшего общества. Так говорили на нижних палубах, но сам Брауни был другого мнения. Свой галеон и патент он получил, участвуя в восстании против бывшего короля Мифрила Манклейта. Благодаря ему и ещё одной ведьме в Мирфелл снова вернулась магия, похищенная наместником короля — Леопольдом Кровавым.

Магия никогда не привлекала капитана Брауни. Ещё его матушка говорила ему: «Что книги, что магия — всё это от чёрта, Томас», а после нещадно драла мальчишку, если видела его с книгой в руках. А читать Брауни любил сильно. Любовь эта передалась ему от дяди, который был чуть умнее и образованнее своей сестры, и по совместительству держал таверну недалеко от Крейфиша.

Когда капитан и квартирмейстер вошли в каюту, Джек не мог не заметить творившийся там беспорядок. Стол Брауни был завален картами, манускриптами и писательскими принадлежностями. Под одной из стопок Джек даже разглядел буссоль. В последний раз такое случилось с капитаном, когда они только начали заниматься каботажем, и Брауни с нетерпением ждал рейс, а заодно и возможность потопить пару пиратских судов.

Капитан начал издалека, игнорируя удивлённый вид Джека.

— Есть ли корабли в зоне видимости?

Джек отрицательно качнул головой. Только на закате, на расстоянии пяти морских миль по левому борту, была замечена бригантина. Она походила на пиратов Вандернихта и держала курс в сторону южных берегов Фелмори.

Ещё десять лет назад Брауни сам ходил под пиратским флагом, теперь же у капитана был корсарский патент. «До чего же может быть непредсказуема жизнь», — подумал Брауни.

Сегодня ты грабишь менее удачливые корабли, а уже завтра болтаешься на рее или пускаешь таких же, как ты, на морское дно.

— Бьюсь об заклад, их опять потопят эти чёртовы фелморцы. Как считаешь?

Джек угрюмо проворчал, что не имел чести этого знать. Он не умел, а правильнее будет сказать, не хотел поддерживать беседы такого толка. Сложно было сказать, насколько приятны ему были фелморцы, но в отличие от остальных членов экипажа, квартирмейстер никогда не отзывался о них плохо. О прошлом же Джека известно было немного.

— Какие же настроения ходят на корабле? — Брауни упал в кресло рядом со своим столом и с досадой оглядел своего старого друга.

Оказалось, матросы были обеспокоены, что ввело капитана в немалое замешательство. Можно было пересчитать по пальцам Однорукого Боба все те разы, когда члены его экипажа были в равной степени счастливы.

— Чем же на этот раз? Передай этим лентяям, что если это опять насчёт рома или соло-нины, то я сам вы...

Ответ оказался куда проще и неприятнее — Полночное Солнце.

Брауни утомлённо вздохнул. Как же он ненавидел этот во всех смыслах проклятый корабль! Какое-то время капитан задумчиво барабанил кончиками пальцев по столу, скрытому за горой листов. Затем резко вскочил и нервно заходил по каюте. Когда же он остановился у карты Фуэры, глаза его горели лихорадочным блеском. Карта была усеяна множеством разных линий: одни были жирно обведены углём или даже чернилами с небольшими пометками рядом с важными местами; другие же были заметны только при ближайшем рассмотрении. Большая их часть заканчивалась у Ветряных островов, другая проходила через всё Северное море по линии материка и сводилась к небольшому кругу к востоку от острова Санта-Эрзули.

Пальцы капитана скользнули по линиям, будто он уже всё не раз продумал.

— Корабль-призрак? Брехня, — бросил он через плечо. — Но сокровища? Это другое дело.

Джек нахмурился, но ничего не ответил.

— Вот смотри, — продолжил капитан, взяв уголь. Он быстро начертил круг у Ветряных островов. — Здесь. Мы могли бы...

Джеку пришлось напомнить капитану, что это было форменным безумием, но тот придерживался другого мнения.

— Конечно, знаю! — Брауни обернулся, глаза его горели. — Но что, если это правда? Если сокровища существуют...

На мгновение в каюте повисла тишина. Только лёгкий скрип корабельных досок под ногами нарушал её.

— Ты ведь поплывёшь со мной, Джек, — добавил капитан тише, глядя на старого друга.

Молчание затянулось: Брауни стоял с занесённым углём, словно изваяние древних зодчих Айхена. И прежде чем Джек успел возразить, Брауни всучил ему скомканный кусок старого пергамента, на котором виднелся ряд нестройных закорючек.

Глава 2. Трудности чтения

Грамота Джеку давалась с трудом, и он усердно принялся читать по слогам:
«Дорогой друг!

Меня зовут Мортис Штрасс. Если ты читаешь эти строки, то, скорее всего, я уже давно играю в пикет с морским дьяволом у берегов Ветряных Островов, так и не достигнув заветных сокровищ. Бригантина, на которой я служил последние тридцать лет, называлась «Сандракарским купцом» и шла из порта Сандракара в порт Санта-Эрзули вдоль восточного мыса Мирфелла.

Мы зашли в порт Истгейта 6 декабря 9 года, чтобы пополнить запасы провизии и снастей. Градоначальник Истгейта, так же как и портовые офицеры, уговаривал нас отказаться от запланированного плавания, ссылаясь на некий призрачный корабль, что бороздил восточные воды Мирфелла. Наш капитан, Эндис Шакрамо, остался непреклонен и не внял их мольбам. Мы бы, может, и могли избежать печальной участи, держись мы берегов Рич-Поинта. Однако те воды и без того кишели пиратами и буканьерами, так что решено было выбрать более безопасный, как нам казалось, маршрут.

Мы отплыли из порта 8 июля. Был штиль, и в целом погода была расчудесная. Странности начались на 10-й день путешествия, когда смотровой около полуночи заметил необычное сияние на горизонте. По его словам, оно не было похоже ни на патрульное судно, ни на сигналы о помощи. Кроме смотрового в ту ночь на палубе дежурил один из младших офицеров, который позже признавался, что тогда стоял необычный для того времени года, пробирающий до костей, холод.

Через три недели мы вошли в акваторию Ветряных Островов. Как утверждал сам капитан Шакрамо, сокровища — жезл некоего волшебника Карадорна — находились в северной части архипелага. Оставалось совсем немного времени, прежде чем мы бы нашли сокровища, но нас застали врасплох. В одну из ночей корабль стоял на якоре вблизи одной из лагун. Команда, измождённая долгим путешествием, потеряла бдительность и не заметила, как на палубу спустился плотный, словно перина, туман. Засыпали мы во Фиддлерс Грин, а проснулись, уже будучи в рундуке Дейви Джонса. Будто бы из самой преисподней прозвучал рог, и палуба наполнилась мертвецами. Поистине отвратительное, ужасное зрелище: смрад, стоящий в воздухе, резал глаза. В мгновение ока они перебили почти весь экипаж. Оставались только мы с капитаном, да ещё пара матросов. Эндис Шакрамо всучил мне карту и ключ, приказав спасти свою жизнь, пока была возможность. И без того напуганный, я, не раздумывая, прыгнул в воду. Последнее, что я услышал, были отчаянные крики матросов и предсмертный возглас капитана.

Мог ли я подумать, что останусь единственным, кому удастся сохранить жизнь? Туман был настолько густ, что я не знал, в какую сторону мне плыть, и доверился волнам. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очутился на берегу. Когда я смог подняться, то уже светало и туман успел рассеяться. Наш корабль продолжал стоять на якоре, будто бы ни в чём не бывало. Чего же хотели эти призраки? И что заставило их забрать столько несчастных душ с собой?

Следующий случай, когда мне пришлось лицезреть этих покойников, произошёл спустя две ночи. В лагуну, рядом с которой я поселился, пришвартовался призрачный корабль. До самого утра мертвецы пили и плясали, а, когда пришёл рассвет, испарились словно наваждение. Всё то время, пока они бесновались, я провёл в молитвах, прося отца нашего Бериала сохранить мою никчёмную жизнь.

Я понимал, что не смогу долго продержаться на этом острове и разработал план своего спасения. У меня ушло немало времени, чтобы соорудить крюк, которым я смог зацепиться за борт нашей бригантины — благо он был не слишком высок — запасов на корабле остава-

лось не так много, но на одного человека со скромным рационом хватило, чтобы дотянуть до берегов Мирфелла. Стоило мне отправиться в обратное плавание, как меня сковало недоброе предчувствие.

Всё началось с убитой чайки, которую я ненароком подстрелил, из оставленного после сражения ружья. Случилось же глупой птице оказаться в столь неудачном месте! Хотя ведь и с людьми всё точно так же. Взять хотя бы меня. Таким образом, я подготовился к худшему, и оно не заставило себя долго ждать. Стоило мне отплыть от берегов Ветряных островов, как их название начало оправдывать себя: на море поднялся ветер небывалой силы. Мою бедную бригадину унесло на 3 мили на юг. Держать штурвал и между тем сворачивать паруса оказалось непростой задачей, и я чуть не налетел на риф. Вскоре ветер стих, и я уже думал, что на этом мои злоключения подошли к концу, но стоило мне помолиться, как у самой кромки воды я заметил еле заметный сгущающийся туман.

Это и был мой конец. Тогда же я вошёл в каюту капитана, нашёл его писчие принадлежности и принялся за это письмо. Туман уже просачивается под дверь, остаётся лишь надеется, что кончина моя будет быстрой. К сему письму прикладываю треклятую карту и ключ. Может, кому они и послужат пользой, но спешу предупредить будущего обладателя, что мне она принесла одно лишь горе.

Я бы многое отдал, чтобы хотя бы ещё раз увидеть восход солнца, но меня уже заждались в рундуке. Получателя сего письма прошу передать моей жене Сьюзан, что проживает в деревушке Крейфиш на южном берегу Мирфелла — я оставил ей несколько золотых и пару серебряников, зарытых у ограды с грядкой капусты. Также прошу передать ей, чтобы не вздумала выходить замуж за этого пьяницу Джереми Була — он картёжник без гроша за душой. Детям передайте, чтобы помнили отца своего и чтили его память.

Боцман Штрасс»

Джек приложил немало усилий, чтобы завершить письмо, даже несмотря на то, что под конец чтения его виски уже пульсировали от напряжения. Всё это время через его плечо поглядывал Брауни, который знал текст сего письма наизусть. В глаза Джеку тут же упёрлась выпцветшая, обтрёпанная карта, которую капитан держал наготове.

— Деньги сами текут нам в руки, Джек! Только подумай: если нам удастся получить от короля Эло новый патент и нужные средства, то через короткое время мы станем богачами, каких свет не видывал.

Брауни не переставал ходить по каюте, словно заведённый волчок. Оказавшись рядом со стулом, он рухнул в него, словно камень, брошенный со скалы, и мечтательно закатил глаза.

— ...Разбогатею и найму нашего славного друга Фрэнсиса своим посыльным. Бьюсь об заклад, у него это будет получаться лучше, чем служение родине.

Оба мужчины громко расхохотались, дополняя подробностями и новыми идеями столь увлекательную мысль. Когда же веселье сошло закончилось, на лице Брауни повисло отрешённое выражение.

— Присядь, Джек, не стой словно истукан. — Он жестом пригласил своего друга присесть рядом.

Джеку пришлось отказаться от приглашения: ноги у него были совсем не то, что раньше. И стоять на них было проще, чем пытаться присесть.

— Тогда поди и достань бутылку из во-он того сундука.

Пока Джек неловко ковылял до капитанской кровати, Брауни снова погрузился в раздумья. Квартирмейстеру было уже за пятьдесят, если не больше, и в последние годы Джек сильно сдал. Это раньше Джек мог услышать, как скреблась мышь на нижней палубе, теперь же порой он не слышал и гогот младших офицеров, отлынивающих от работы за партией в бридж.

Джек принёс откупоренную бутылку с тёмным стеклом. Капитан протянул руку, но сразу же остановился:

— Это в порядке исключения. Обмыть удачу.

Брауни сделал пару долгих глотков прямо из горла и, поморщившись, протянул бутылку обратно Джеку.

— Вот же фелморское пойло! Ром у них получается хуже, чем реверанс у портовой девки. — Сказал он с досадой и протёр рот рукой, желая стереть с себя неприятный запах.

Джек принялся к рому и с видом знатока отпил из бутылки. К несчастью, ему пришлось согласиться с капитаном — ром отдавал плесенью и помоями.

— Ну и отдай её тогда офицерам, когда войдём в порт. Только смотри, чтобы они её сразу всю не вылакали. Сначала руда, потом выпивка.

В возникшей тишине было слышно, как за бортом плещутся беспокойный воды Холодного моря. Где-то вдалеке закричала чайка, что означало их близость к родному берегу.

— Что ты думаешь, Джек?

Джек лишь пожал плечами — толку было отвечать, если капитан заведомо сам всё решил. Такой ответ явно расстроил капитана.

— Вечно из тебя всё клещами надо вытаскивать, — раздражённо бросил Брауни, снова берясь за свои письменные принадлежности. Немного подумав, он добавил, — хотя ты прав. Король Эло всё равно желает меня видеть с новым отчётом. Кстати, о нём...

Капитан Брауни достал из-под завала свежий лист бумаги и принялся быстро писать. Буквы выходили ровные и стройные, словно музыкальная гармония. Он писал быстро и размашисто, то и дело обмакивая перо в чернильницу, пара капель из которой упала на другие бумаги. Брауни выругался и сгрёб в охапку листы, убирая их в один из бесчисленных ящиков своего стола. Джек не сдвинулся с места, поскольку хорошо знал причуды своего капитана. Когда Брауни приходила на ум новая идея, он мог нырнуть в неё с головой, забывая обо всём происходящим вокруг.

Джек выждал, пока капитан дописал письмо и произнёс:

— Вы же знаете, что я вас не оставлю, сэр.

— Конечно, знаю, — Брауни не поднял головы от стола. Он уже взял другую кипу бумаг и теперь внимательно просматривал их. — Но я тебя заставлять не хочу. В это дело надо идти с душой, а не с плетью на спине.

Джек добавил, что помимо плети на спине, было бы также досадно оказаться с петлёй на шее. Брауни изучающе посмотрел на него. На лице капитана застыла задорная ухмылка.

— С чего бы нам, уважаемым корсарам Его Величество Эло, вдруг оказаться в петле, Джек?

Джек подметил, что милость государя была переменчивой, как погода в Бурном море: сегодня ветер дул им в паруса, а завтра этот же ветер бы вырвал их мачты с корнем.

— Уж больно ты мрачный в последнее время. Всё у тебя либо так, либо эдак. — Брауни убрал чернильницу и перо, предварительно вытерев его о край небольшой тряпочки, затерянной среди официальных бумаг. — Ступай, проследи, чтобы всё было готово к прибытию, а я, может, вздремну пару часиков.

Брауни устало потёр переносицу и откинулся на спинку своего стула.

— И если Фрэнсис будет обо мне спрашивать, скажи, что обговорю с ним уже после прибытия. Только его мне сейчас ещё не хватало.

Джек коротко кивнул и вышел из каюты. Оставшись один, Брауни ещё раз взглянул на карту, затем на письмо.

— Спи спокойно, старина Мортис, эти сокровища я беру на себя.

Глава 3. Запахло жареным

Рейнгард встретил «Золотую Лань» проливным дождём и буйными порывами ветра. Несмотря на позднее лето, погода в этой части Мирфелла не отличалась особым дружелюбием, а солнце не согревало, как в родной прибрежной деревушке Брауни. Воздух здесь был настолько пропитан солью, что любой металл покрывался ржавчиной за один сезон.

Пока матросы корабля разгружали ценный груз, а офицеры судна уже были наготове, чтобы припустить в портовую таверну, Брауни оставался мрачным, словно приближающийся морской шторм. Галеон раскачивало на буйных водах Холодного моря, даже несмотря на то, что порт Рейнгарда находился в бухте Ледяного пика. Надвигающийся шторм и встреча с королём Эло не предвещала ничего хорошего. Ход мыслей Брауни прервал стук в его кабину. Надев на себя своё фирменное почтительно-приветливое выражение, он сел за стол.

— Войдите.

На пороге каюты показался капитан офицерской стражи корабля — Фрэнсис Сиденхейм. Сэр Сиденхейм был командующим офицерского состава «Золотой Лани» и был вынужден сопровождать корабль Брауни во всех рейдах. К сожалению Брауни, избавиться от сэра Сиденхейма не представлялось никакой возможности, поскольку безопасность груза Эло ставил выше комфорта капитана. К тому же Фрэнсис пользовался безмерным доверием короля Рейнгарда. Справедливости ради Фрэнсис и правда доказал преданность своему делу не в одном бою, в том числе против морских пиратов.

Однако с первой же встречи между Брауни и Фрэнсис сложилась прочная, как такелаж на фок-мачте, вражда. Начиная совершенно разным происхождением, заканчивая отношением к выпивке — Фрэнсис не пил принципиально, в то время как Брауни предпочитал Сандракарский ром. Говаривали, что оставь этих двоих наедине более чем на полчаса, то они бы точно перерезали друг другу глотки. На корабле даже ходили слухи, что как-то Брауни почти прирезал капитана Френсиса, но их вовремя разнял Джек, избежав кровопролития.

Фрэнсис был молод, умён, хорош собой и имел безупречную репутацию. Список его достоинств можно было продолжать ещё долго, но нам не стоит на него отвлекаться. Все эти достоинства, безусловно, раздражали капитана Брауни, но что бесило его более всего, так это отношения сэра Сиденхейма к каботажным рейсам. Френсиса более чем устраивала его работа, более того — он её любил. Магия, по его мнению, была важнейшим ключом к спасению Мирфелла из упадка, в который погрузил страну Мифрил. Он любил предаваться размышлениям в кругу своих офицеров о том, как магия изменит их жизни и вернёт их страну к былому величию.

Сиденхейм вошёл в каюту, подцепив двумя пальцами небольшой стул, который Брауни по своему обыкновению использовал вместо ночной тумбочки.

— Чем могу быть полезен? — осведомился Брауни, намереваясь отделаться от Френсиса как можно скорее.

— Вы не находите, что ваши моряки слишком суеверны, Томас? — Сиденхейм уселся перед капитаном. Его спина была прямой, как шпиль Рейнгардского собора, а взгляд холоден. Брауни небрежно откинулся на кресло, скрестив руки на груди.

— Вы слишком мало бывали в море, чтобы понимать наши законы.

— И тем не менее их суеверия становятся проблемой, — голос Френсиса слегка дрожал, но он пытался скрыть это за стальным безразличием. — Они заражают солдат своими рассказами.

— Тогда займитесь своими людьми, капитан, — Брауни с усмешкой указал рукой на дверь. — И не беспокойте меня по пустякам.

Фрэнсис проигнорировал жест, его губы сжались в тонкую линию.

— Полуночное Солнце. Я слышал о нём больше, чем хотелось бы. Если эти слухи продолжат разрастаться, это станет угрозой для защиты груза. Я не позволю...

— Не позволите? — перебил Брауни, его тон вдруг стал жёстким.

Фрэнсис тяжело вздохнул: эта встреча доставляла ему такое же удовольствие, как и капитану.

— Томас, — его голос понизился до угрожающего полусшёпота, — вы можете обращаться с вашим экипажем, как считаете нужным, но когда это начнёт угрожать моей миссии, я приму меры.

Брауни медленно поднялся, их взгляды встретились.

— Я позабочусь о том, чтобы эти слухи никак не касались ваших офицеров. Что до них, то я, с вашего позволения, порекомендовал бы им также проводить меньше времени за игрой в карты с матросами. Хотя бы не на пиратские дублоны.

Лицо Фрэнсиса покрылось красными пятнами возмущения. Что-то, а дисциплина солдат была его особой гордостью. Брауни с нескрываемым удовольствием наблюдал за своим оппонентом, на всякий случай держа руку возле эфеса меча. Однако Сиденхейм вскочил так резко, что чуть не откинул стул.

— Вы, Томас — хам и мерзавец, каких ещё свет не видывал! Не будь мы объединены службой, я бы с удовольствием проткнул вас своей шпагой на дуэли.

— Я бы не стал тратить на вас времени. — Скучающим тоном заметил Брауни, чем заметно уязвил сэра Фрэнсиса. — Что? Вы сами сказали — я хам и мерзавец.

Это было уже слишком для сэра Фрэнсиса. Молодой человек вылетел из капитанской каюты, словно шквальный ветер, даже не закрыв за собой дверь. Брауни устало прошёл к ней и, под любопытные взгляды матросов, с силой захлопнул её за собой. Казалось, что горящий след от сапог Фрэнсиса всё ещё прожигал палубу, но Брауни лишь усмехнулся.

— Вот же придурок.

Прежде чем отправиться с отчётом ко двору, Брауни должен был дожждаться оставшуюся часть флотилии, входившую в эскадру. На обратном пути две каравеллы «Благословенная Рея» и «Попутный ветер» отстали при выходе из дельты Лотки в Северное море. Сильные порывы встречного ветра сносили их в сторону берегов Фелмори, что значительно замедлило прибытие всей эскадры. Ещё одной каравелле чудом удалось проскользнуть трудный участок, и она лишь слегка отставала от флагманского судна. Брауни, как капитану, полагалась дожждаться оставшихся кораблей рядом с дельтой, однако, столь манящая идея поскорее избавиться от груза и родные берега, заставили его принять решение двигаться дальше. Брауни также опасался нападения пиратов в открытом море, где вероятность встречи с ними была намного выше, чем на развитых торговых путях Лотки, которые патрулировались судами Мирфелла и Фелмори.

Всем известно, что Северное море было пристанищем пиратов земель Вандернихта. Они курсировали вдоль гористого берега Фелмори, и по пути грабили небольшие рыбацкие поселения. В район дельты Лотки, они заплывали не так часто, поскольку в её окрестностях находилась укреплённая столица Фелмори — Мора.

Из размышлений Брауни вывел крик смотрового, который по приказу боцмана оставался в вороньем гнезде, ожидая отставших кораблей. Выйдя из каюты, Брауни отправился в обход по всему галеону. На верхней палубе была такая сумятица, что капитан поспешил подняться на полубак, стараясь избежать столкновения с матросами и прибывшими офицерами, которые почтительно расступались перед ним. Около сотни людей сновало туда и сюда на палубе «Золотой Лани», и вряд ли в такой суматохе можно было избежать столкновения.

Так и произошло, когда Брауни уже прошёл грот-мачту. Кто-то с криком «Поберегись!» со всего маху врезался в капитана, и тот полетел вниз. Послышалось квоканье кур и Брауни обнаружил себя распластанным среди клеток с наседками. Часть из них успела вырваться наружу, а одна — к особому стыду капитана — даже нагадить на его расшитую золотом

накидку. Шум на палубе сразу стих, и только тихие, неуверенные смешки прокатились по палубе. Никто не решался поднять капитана на смех. Сохраняя оставшееся достоинство, Брауни всё же поднялся и с гневным видом развернулся к виновнику своего позора.

Юноша, на чьём лице ещё только зарождалась щетина, был блее парусов «Золотой Лани». Откуда ни возьмись к нему подскочил Джек, и рывком поднял его на ноги, зарядив такую оплеуху, что даже у Брауни слегка почернело в глазах.

Джек прорычал что-то про криворукого болвана и идиота, которого мать уронила в детстве.

— Простите... — заикающе начал офицер, но Джек прописал ещё одну оплеуху, почти что сбив юнца с ног.

Брауни внимательно посмотрел на юношу, который уже был готов упасть в обморок. Когда-то и он стоял также перед капитаном пиратского судна, которое держало курс на плантации Ветряных островов.

— Оставь его сегодня на дежурство, Джек. Без выхода в город и выпивки. А тот, кто принесёт ему табак или пиво, прокатится по дну корабля. — Брауни перевёл взгляд на юнга, — а тебе, матросик, я рекомендую мне больше не попадаться на глаза в ближайшие два дня.

Капитан уже развернулся, но запах птичьего помёта ударил ему в нос. Сняв с себя накидку, Брауни кинул её юнге.

— Как очистишь, передай Джеку или старшим офицерам. Если увижу хоть одно пятно, тебя также ждёт килевание. — Брауни оглядел безмолвную толпу, которая ждала продолжения, и крикнул, чтобы его было слышно даже в конце палубы. — А тех, кто будет прохлаждаться, ждёт та же участь. За работу!

Развернувшись на каблуках, он быстро спустился с палубы на землю. Под ногами было непривычно устойчиво. Брауни втянул солёный морской воздух, смешанный с запахом свежей рыбы. День предвещал быть насыщенным.

Глава 4. И это пройдёт

Было раннее утро, и до визита к королю Эло оставалось ещё достаточно времени. Брауни решил воспользоваться этой возможностью, чтобы прогуляться по городу. Тяжёлым шагом он ступал по деревянному настилу порта, и на душе было беспокойно. Из головы всё никак не шёл юнга, благодаря которому он временно лишился своего камзола.

В этом юноше не было ничего примечательного: он, как и многие другие начинающие моряки, имел испуганный и растерянный вид. При всей своей шустрости эти мальчишки умудряются быть такими неуклюжими и медлительными, что только диву даёшься, как они дожили до своих лет, ненароком не разбив голову о булыжник. А ведь когда-то и он сам — капитан Томас Фишер — был простым мальчонкой, по воле случая оказавшимся на борту пиратского судна. Вряд ли он мог когда-либо предположить, что станет ходить под флагом Мирфелла и уж тем более работать на королевский двор. Много воды утекло с того времени: и ведь права была его матушка, вторя, что каждому своё место в этом мире. Да вот толку-то...

Брауни дошёл до конца настила, там, где заканчивался порт и начинался захудаленький квартал рыбацких домиков и прочих мастеровых. Дорога там была простая, немощёная и вся в грязевых лужах от недавнего дождя. Чуть дальше располагалась таверна, в которой позже — как только закончится выгрузка товара — соберутся все матросы его судна. Не доходя до таверны, он повернул налево и прошёлся вдоль небольшой улочки. Шаг его был размеренным, и лишь изредка капитан поднимал голову, чтобы посмотреть на заинтересовавшую его вывеску или товар.

Можно было подумать, что капитан просто прогуливался по знакомым улочкам, навёрстывая упущенное и предаваясь своим мыслям. Знавшие же характер капитана Брауни, могли бы с уверенностью сказать, что отрешённое выражение на его лице было отнюдь не признаком меланхолического настроения, а лишь маской, которой он прикрывал свои настоящие чувства. На самом деле капитан внимательно следил за происходящим. А следить было за чем.

С последнего раза, что ему довелось побывать на суше, Рейнгард немало изменился. Изменения те касались не столь городского облика или повадок жителей, сколь общего настроения, в котором пребывал город. Помимо привычной суеты у торговых прилавков и в местных питейных, в душном воздухе города сквозил ветерок новой авантюры. Брауни, будучи человеком особо чувствительным к деньгам и приключениям, не мог не почувствовать перемену настроения в городе, как только ступил в его пределы. Однако выяснить причину всеобщего поднятия духа было непросто. Любой город полнится тайнами и слухами, но не всем им сто́ит доверять.

Город волновался, и причиной сему беспокойству была казнь пирата. И не то чтобы было в этом что-то особенное или необычное — таких зрелищ на неделе может быть несколько штук. Сокровища — вот что занимало сердца и разум всех местных жителей. Несметные богатства, которые оставались абсолютно в ничьих руках и ждали своего часа, чтобы наиболее ловкий и смелый авантюрист смог протянуть к ним свои руки.

Говорили, что сокровища зарыты где-то в Айхене, а может, и в Сандракаре. Брауни даже слышал, как кто-то упомянул Рич-Поинт. Сокровищем — по слухам — было не что иное, как огромный ящик, набитый золотом и бриллиантами. А возможно, что это был венок самого Гелиора, или жезл Карадорна. Говорили даже о потерянных сокровищах Аурендела. После пары часов блуждания по городу голова Брауни загудела. Теряясь в ворохе спутанных мыслей, сплетен и пересудов, Брауни всё же понял главное: сокровища теперь были ему жизненно необходимы.

Капитан мог позволить себе безбедное существование ещё долгие годы, даже не прибегая к накоплениям. Однако он точно знал, что именно он окажется тем, кто найдёт заветный клад,

и вот тогда-то он получит по-настоящему стоящую награду. От этой мысли у него, словно у какого-то юнца, только ступившего на борт, засосало под ложечкой. О нём будут слагать легенды. Барды будут петь о славных подвигах капитана, неся весть о его приключениях по всему Мирфеллу. Мальчишки будут драться за право называться его именем в своих играх, а уж в его родном городишке наверняка возведут памятник. Не такой большой, как королю Эло, но достаточный, чтобы его было видно с городских холмов.

У дома его матушки будет собираться ребятня и глазеть через высокую ограду — которую он обязательно возведёт, чтобы лишний раз не тревожили хозяйку — а сам дом будет завален цветами. Учителя будут приводить школяров к воротам его дома и говорить назидательным тоном: «Видите, что с человеком делает отвага и самоотверженность! А ведь был простым мальчишкой, имел обыкновение стягивать хлеб из вон той лавки, за что и поплатился пальцем своей левой руки». Брауни быстро убрал руку в карман штанов, нащупав там любимый шёлковый платок.

Сам не заметя как, Брауни снова оказался у «Золотой Лани» как раз, когда разгрузка руды была закончена. Солдаты короля Эло, с ног до головы закованные в броню, уже закрыли зад телеги на тяжёлые запоры и медленно двинулись в замок. На палубе стоял Джек и провожал их долгим, тяжёлым взглядом. Лицо его не выражало никаких эмоций.

Брауни пригласил Джека пройти по палубе. Разговор их был долгим и эмоциональным. На лице Джека можно было заметить признаки беспокойства. Он то и дело пытался перебить бесконечную тираду Брауни и вставить слово, но капитан не давал ему возможности. Они ходили по палубе взад-вперёд, переговариваясь шёпотом, хотя галеон и так был пуст: лишь юнги начищали его доски от следов бесчисленных ног, оставленных после выгрузки груза. Сойдя вниз по трапу, они остановились на развилке. Брауни продолжал активно жестикулировать, в то время как Джек лишь задумчиво кивал, глядя будто бы за спину капитана. Несколько раз они оценивающе посмотрели на галеон и снова вернулись к своему разговору.

Так могло бы ещё продолжаться долгое время, если бы часы на городской башне не пробили полдень. Люди вокруг засуетились, побросали свои дела и быстрым шагом направились к центральной площади. Джек и Брауни последовали за ними. К тому времени многие лавки уже были закрыты, но даже мимо внимания Джека не прошло огромное количество судовых компаний, предлагавших за весьма приличный процент, всем желающим вложиться в их торговые бригантины и шхуны.

Шесть месяцев назад, когда «Золотая Лань» отплывала в очередной каботажный рейс, Ист-Сандракарская компания ещё только зарождалась. За время же их отсутствия она разрослась до таких размеров, что проще было сосчитать все городские шпили, чем судоводные компании.

Колокола всё продолжали звучать, а улицы заполняться людьми. По мере приближения к площади толпа становилась всё гуще и плотнее. На совсем тесных улочках образовался затор, который грозился перерасти в настоящую давку. Брауни уже было думал, что не видать им завидных мест, как чья-то тонкая рука цепко схватила его за плечо. На улице было так плотно, что Брауни едва ли мог развернуться, не получа тычок, не говоря уже о том, чтобы выхватить меч.

Изловчившись, он всё же обернулся и увидел Лили — его давнюю знакомую, не без помощи которой получил свой титул и галеон. С момента их знакомства прошло уже порядка десяти лет, и эти годы пошли ей явно на пользу. Лили едва ли можно было назвать красавицей, но жизнь при дворе пошла ей на пользу: в глазах появился проблеск уверенности, который так не хватал ей в юные годы. Гордо вскинутый подбородок, тёмные, как два колодца, глаза и тонкая ухмылка делали её даже привлекательной.

Она улыбнулась, и не пытаясь перекрикнуть шум толпы, потянула Брауни в сторону. Хватка у неё была совсем не девичья, отчего Брауни поморщился. Они завернули во двор большого дома и направились вдоль ограды.

— Слишком уж ты сильная, — буркнул капитан, вырывая руку. — А ведьмам вроде тебя это не идёт.

— А тебе, Томас, не идёт стареть, но ты всё равно умудряешься, — парировала Лили, даже не оглянувшись. Её шаги гулко отдавались в узком переулке.

Брауни ухмыльнулся и, оглянувшись на Джека, крикнул:

— Догоняй нас, старина!

Джек, тяжело вздохнув, поспешил следом, хотя ноги его и не позволяли ему нестись вперёд, как Лили.

Девушка подошла к задней двери высокого двухэтажного дома и дёрнула за ручку — закрыто. Постучав, она, так и не дождавшись ответа, достала широкую связку ключей. Дверь была массивная — дубовая, с видневшимися следами жучков и царапин. Проржавевший тугой замок тяжело скрипнул, когда в него вошёл такой же старый, изъеденный ржавчиной ключ. Лестница за дверью оказалась узкой, деревянные ступени угрожающе прогибались под ногами. Брауни опёрся о стену рукой, глядя на уверенные движения Лили.

— Всё-таки странно, что ведьма может себе позволить такой дом, — заметил он. Самому капитану приходилось довольствоваться жилищем куда скромнее.

— Неужели ревнуешь, Томас? — Лили остановилась на середине лестницы и обернулась. В её глазах мелькнула насмешка. — Или ты уже забыл, кто помог тебе с твоей драгоценной «Золотой Ланью»?

— Ха! Ты напоминаешь мне об этом при каждой встрече.

Лили лишь слабо улыбнулась и продолжила подниматься по скрипучей лестнице.

— Извините, что не через парадную дверь. К ней сейчас совсем не подойти.

Лестница была настолько узкой, что человеку плотной комплекции пришлось бы протискиваться боком. Высокие ступеньки протяжно скрипели, будто были готовы провалиться под ногами ступающего. Лили вела их на второй этаж, и этот подъём показался Брауни бесконечным. Что уж говорить о бедолаге Джеке, который запыхался уже на первых пяти ступенях.

Очутившись на балкончике, Лили усадила гостей, а сама направилась в дом за закусками и вином. К досаде Брауни, вид из дома был превосходным: городская площадь была как на ладони, а чуть дальше виднелись и дворец, и храмы Трёх. Небольшие двухэтажные домики вроде этого, обступали площадь полукругом, на месте статуи бывшего правителя — Мифрила — теперь стояла деревянная виселица.

— Неужели король Эло тоже будет наблюдателем сего зрелища? — спросил Брауни, беря свой бокал с только что принесённого подноса. Рядом с бокалами также было несколько блюдец с разложенным сыром и колбасами.

— Ещё бы! Ты хоть знаешь, кого будут вешать? — удивлённо воскликнула Лили.

— Ни идеи.

Лили мельком бросила на него оценивающий взгляд и усмехнулась.

— Я почему-то подумала, что вы должны быть знакомы. Смотри, вон его ведут, — ладонью она указала в сторону деревянного помоста. Толпа загудела, и Лили пришлось перекривать гул толпы, — Сорвиголова.

Сорвиголова был одним из страшнейших пиратов всей Фуэры, доставивший немало бед Мирфеллу. Бывший подданный королевства, Гордон Тич после того, как лишился королевского патента, ушёл пиратствовать в Вольные Земли. Его корабль не раз замечали вдоль западных берегов Фелмори и даже близ Рейнгарда. Грабил он в основном купеческие и каботажные суда и своё прозвище получил после ряда жестоких убийств. Тех несчастных, что удосужились попасться ему на пути, он обезглавливал, а тела бросал в воду на съедение акул. Несколько раз

его судно было замечено вблизи Ветряных островов, что находятся по другую сторону Мирфелла, однако надолго сэр Сорвиголова там не задержался.

— Вот же как иногда получается: служишь королевству, а потом раз — и болтаешься в петле, — протянула Лили, отпивая из своего бокала.

— И не надейся, дорогая. Со мной такого точно не случится, — сказал Брауни, но прозвучало это не так уверенно, как ему бы хотелось.

— Ну знаешь, воля королей переменчива. Сегодня ты в милости, а завтра кормишь ворон.

— Совсем недавно и с ведьмами поступали так же.

Лили метнула в него взгляд и недобро улыбнулась, оголяя запястья, на котором поблёскивал браслет с голубыми камнями.

— Именно. А теперь пират, который хотел сдать меня за корабль, таскает мне цапки с другого конца Мирфелла. Ну не смешно ли?

— Иронично я бы сказал. — Брауни кисло уставился на площадь, где уже вовсю шли приготовления.

Сорвиголова стоял на постаменте, освистываемые жителями Рейнгарда. В него то и дело летели подгнившие овощи, но это совсем не смущало пирата. Ухмылка на его лице становилась лишь шире с каждым новым гневным криком. Пират с ленивым интересом оглядывался по сторонам, не обращая внимания на тычки от стражи, пока не дошёл взглядом до балкона замка. На балконе появился король Эло в окружении всей свиты. Сорвиголова постарался отвесить поклон, насколько ему позволяли связанные руки и колодки на щиколотках.

Мимо внимания Брауни не ускользнуло и то, что Лили, хоть и старалась делать безразличный вид, всё же заметно нервничала. Возможной причиной тому были воспоминания о театре, из которого ей пришлось бежать: всё же ведьм раньше жаловали меньше, чем сейчас, а потому и толпа, приходившая на представление, зачастую одаривала её порцией подгнивших овощей и тухлых яиц.

— Почему же ты не при дворе в такой день? — Брауни кивнул в сторону королевского балкона.

— Были дела в городе, вот и не успела вернуться.

— От Вэй совсем нет вестей?

В ответ последовала тишина. Однако тишина эта была зловещей: воздух вокруг Лили отдавал загробным холодом, от которого пробирало до костей, а на душе становилось тоскливее, чем на второй день Погребения. Сейчас же воздух вокруг неё пронизывало тысячей мелких морозных игл, которые больно жалили кожу, щипали губы и нос. Они будто попали в морозную зиму, и даже Джек — суровый, бесстрастный квартирмейстер, закалённый всеми морями и ветрами Фуэры — заметно поёжился. Вскоре мороз прошёл, и Лили снова, как ни в чём не бывало, завела разговор.

Наконец, подготовка на площади была закончена, и осуждённый пират встал рядом с виселицей. Оглашавшему приговор пришлось долго успокаивать разгневанную толпу, чтобы зачитать приговор. Сорвиголова обвинялся по стольким статьям, что их перечисление растянулось на полчаса и толпа к тому времени успела заскучать. Одни жевали принесённые закуски, другие переговаривались вполголоса. Сорвиголова же за всё время, что ему зачитывали приговор, совершенно не поменялся в лице. Лукавая улыбка так и продолжала играть на его лице, пока он обводил толпу взглядом полным презрения.

— Неужели ему совсем нестрашно? — спросила Лили. Вопрос повис в воздухе, как и оставшись без ответа.

Брауни, слишком хорошо знакомый с плутами такого толка, заподозрил что-то неладное. Он, как и Сорвиголова, оглядывал толпу взглядом, так что ему даже пришлось перегнуться через перила балкона. Это немало удивило Лили.

— Что ты делаешь? — удивилась она.

— Видишь там, в капюшоне? — прошептал он, указывая в сторону ближайшего к постаменту столбу. — И там, слева, ближе к переулку стоят ещё двое.

Лили проследила за тем, куда указывал Брауни, и ахнула.

— Это же самоубийство! Здесь столько стражи, что их вмиг схватят.

— Стражи и правда много, но и людей на площади не меньше. Достаточно одного выстрела, и начнётся паника. Пока стража спохватится, то их уже и след простыл. — Брауни потянулся к поясу. — Джек, заряжай ружья.

С этими словами Брауни вытащил из-за пазухи небольшое оружие и начал его заряжать. Джек последовал примеру капитана. Лили, побледнев, смотрела на то, как мужчины засыпают порох и пули.

— Вы в своём уме? Нас же здесь подстрелят либо они, либо гвардейцы! — в её голосе послышались необычные для неё истерические нотки.

— Не беспокойся. Мы ещё не выжили из ума, чтобы палить по толпе. Это так, на случай, если что-то пойдёт не так.

Глашатай затих, и толпа с облегчением выдохнула, предвкушая интересное зрелище. Брауни внимательно наблюдал за тем, как одна из фигур отделилась от столба и подошла ближе к помосту. Гвардейцы стояли со скучающим видом по краям платформы, не представляя, что их ждёт всего через несколько мгновений. Чопорный мужчина в парике, лет пятидесяти, зачитавший приговор, оторвал взгляд от пергамента и громогласно произнёс:

— Вам предоставляется последнее слово.

Сорвиголова прочистил горло и сделал небольшой шаг вперёд. Гвардейцы тут же перекрыли ему дорогу, но Сорвиголова не обратил на них внимания.

— Большинство из вас будет рада видеть меня болтающимся в это петле, — начал он. Толпа одобрительно заголосила, — и я не имею права отбирать у вас это зрелище. Вы можете повесить меня, можете повесить ещё с десятков таких же негодяев, но главное зло продолжит топить ваши корабли. Оно заберёт ваших мужей и сыновей, братьев и отцов, и пока это проклятое сокровище не будет найдено — никакая сила не остановит его. Я говорю о сокровищах, что охраняет «Полуночное солнце». Я вижу, вы понимаете, о чём я говорю. Так знаете же, что сокровище зарыто на Ветряных островах и сам дьявол охраняет его. Да спасёт Гелиор ваши души.

Здесь же из толпы раздался выстрел. Стража схватила Сорвиголову под руки, пытаясь не дать ему уйти. В толпе раздались испуганные крики, и люди в панике начали покидать площадь. Следом за вторым выстрелом прозвучал и третий. Один за стражников, державших Сорвиголову, упал замертво. Остальные гвардейцы не знали, что делать, и старались усмирить обезумевшую толпу. Всё было без толку: люди стремились покинуть площадь, но в переулках образовалась такая давка, что люди в ней падали наземь, не в силах подняться.

Сорвиголова тем временем отпихнул единственного оставшегося гвардейца в сторону, и тот упал с подмостков. Глашатай уже затерялся в толпе, и только его парик оставался лежать рядом с виселицей. Стражники ринулись к осуждённому, но дорогу им преградила группа из трёх человек, вооружённых кинжалами и мечами. Между пиратами и охраной завязалась драка, и пока друзья Сорвиголовы отвлекали гвардейцев, другая часть команды помогла ему избавиться от колодок. Освободившись от своих оков, Сорвиголова схватил протянутый ему мушкет и пальнул несколько раз в воздух, так что толпа бросилась врассыпную. Где-то вдалеке послышался гул труб — подкрепление уже держало путь на площадь.

Команда пиратов бросилась в переулок рядом с домом Лили, проталкиваясь сквозь и без того напуганных людей. Когда пираты оказались достаточно близко, Брауни сделал знак рукой Джеку и подскочил к перилам балкончика, свесившись вниз. Под балконом, держась за фонарный столб, стояла ещё одна фигура с мушкетом наготове. Это был мужчина, напоминав-

ший бродягу или бандита. Его косматые волосы были убраны в хвост, а лицо было испещрено шрамами. Воспользовавшись своим положением, Брауни взвёл мушкет и прицелился. Прозвучал новый выстрел, и мужчина упал наземь. Толпа взволновалась с новой силой и метнулась в другую сторону, сбивая с ног пиратов Сорвиголовой. Джек воспользовался заминкой и тоже выстрелил, подстрелив другого пирата. Первым, кто пришёл в себя, оказался Сорвиголова.

Он выстрелил, не целясь, и, надо отдать должное, почти задел Брауни, который успел увернуться в последнюю секунду. Пуля просвистела рядом с его ухом и вошла в стену. Лили уже успела спрятаться в доме и теперь с ужасом наблюдала за мужчинами. Этого промедления хватило на то, чтобы на опустевшей площади появилось подкрепление. Оставалось около пяти пиратов во главе с Сорвиголовой. Готовые дать отпор, они вступили в схватку, но довольно быстро пали под натиском новых стражей. Последним пал Сорвиголова, который успел серьёзно ранить нескольких солдат. Гвардейцы закололи его пиками, а после повесили.

Глава 5. В которой Брауни ведёт дела

Два часа спустя Брауни уже ожидал приёма в прихожей королевского дворца. Событие на площади всколыхнуло весь двор куда сильнее, чем капитан мог предположить, и время визита всё откладывалось. Брауни устроился в мягком кресле. Вокруг беспрерывно мелькали слуги, разнося записки и передавая срочные поручения из одного крыла замка в другое. Из углов доносился тревожный, взбудораженный шёпот — казалось, именно из него теперь были сотканы стены.

Замок пробуждал в Брауни тяжёлые воспоминания о перевороте, в котором ему, по несчастью, пришлось участвовать, и о безмолвной армии мертвецов, скрытых под масками и красными робами. Чтобы отвлечься, он большую часть ожидания посвятил, вслушиваясь в разговоры вокруг. И слушать действительно было что: каждый разговор рано или поздно сходил к сокровищам, о которых упомянул Сорвиголова. Раньше о них шептались лишь на городских улочках, но теперь волна слухов докатилась и до королевских коридоров.

Многим казалось, что сокровища лежат прямо под рукой, — бери да и уноси. Но было одно препятствие. И звалось оно «Полуночным солнцем». Именно на нём большая часть искателей лёгких денег и сходила с пути. Брауни же это только убеждало: он — возможно, он один — действительно способен отправиться на поиски. Что касается призрачного корабля, то он не вызывал у Брауни особых опасений. Слишком уж часто суеверие заставляет видеть чертовщину там, где на самом деле пусто.

Прошли томительные минуты ожидания, которые незаметно перетекали в часы, прежде чем бледный, явно измождённый слуга, наконец, позвал его к королю. Брауни был несказанно рад этому: конечности у него уже порядком затекли.

Наместник — или, как некоторые особенно преданные сторонники называли его, король Эло — сидел за большим столом у себя в кабинете. Он не считал нужным, да и возможным, занимать царский трон до тех пор, пока не найдут настоящего наследника короны, поиски которого продолжались уже не первый год.

Эло было около пятидесяти лет, но несмотря на свой возраст, он обладал статной фигурой и лишь небольшой проседью на макушке. Его тёмные прямые волосы едва доходили до плеч. Когда-то он был одним из верных полководцев Мифрила, но, после вероломного нападения короля на союзное государство, участвовал в его свержении. Брауни был его большим любимчиком и уступал разве что Френсису. Капитан был благодарен королю Эло за возможность плавать на одном из крупнейших судов государства. Однако оба прекрасно понимали, что это не было пределом мечтаний капитана, но лучшего Эло предложить не мог. Вернее — пока не мог.

Брауни намеревался изменить такое положение вещей, поэтому натянул свою самую искреннюю, но не чересчур фамильярную улыбку и почтительно поклонился:

— Сир, я рад нашей встрече.

Погружённый в свои бумаги, Эло даже не сразу заметил старого знакомого и только спустя мгновения смог оторваться от письма.

— Капитан, как же вовремя вы вернулись! Я слышал, что в этот раз вы мне привезли какое-то невероятное количество руды.

Король Эло указал Брауни на место напротив, которое капитан тут же поспешил занять.

— Да, сир. Наши рудники просто ломаются от изобилия.

— Я рад это слышать! Если бы вы только знали, сколько сил отнимает у меня этот барьер... И ведь не осталось ни единой записки, ни одного упоминания, о его сотворении... — Эло задумчиво отвёл взгляд в сторону своих стеллажей. — Лили и Арнелия считают, что

сначала нам нужно обучить достаточно ведьм основам магии, а уже потом браться за что-то более... Масштабное.

Брауни усердно кивал, слушая размышления Эло.

— А вы сами как считаете? — обратился к нему король.

— Я? Помилуйте, я простой капитан и занимаюсь каботажными рейсами. Ваши оккультные науки мне не знакомы.

— Жаль, жаль. Тогда давайте посмотрим, что вы там написали.

Эло раскрыл свёрнутый пергамент и быстро пробежался по нему взглядом. Пользуясь возникшей паузой, Брауни вкрадчиво произнёс:

— Но если вы спросите меня, как капитана вашего флота, я бы ответил, что вопрос барьера куда важнее.

Король тут же оторвался от отчёта и с любопытством уставился на Брауни. Тот продолжил:

— Видите ли, перевозка магической руды — дело безусловной важности. Для меня большая честь заниматься этим вот уже... Восемь лет, но мне кажется, что за всё это время мы несколько не продвинулись в решении этой проблемы.

— Вы абсолютно правы.

— К сожалению, сир, к моему огромному сожалению. Вы тратите такое количество магической руды для поддержания барьера, что из неё можно было выковать оружие для всей нашей армии.

— Что же вы предлагаете?

— Нам нужно обратиться за помощью в Аурендел. Уж кто, как не они, разбираются в этих науках. Я бы, с вашего позволения, мог бы отправиться к ним с официальным письмом.

— Вы же понимаете, капитан, что это абсолютно невозможно. Ауренделы отрезали себя от нашего мира... Нет, это исключено.

Король ещё раз взялся за документ и не глядя подписал его, отложив в стопку других бумаг. На лице Брауни застыла скорбная маска печали. Наконец, с досадой в голосе он произнёс:

— Если вы так считаете, господин. Позвольте мне тогда предложить вам другое решение вашей проблемы.

— Попробуйте, — протянул Эло.

— Возможно, я прозвучу, как безумец, но вы были свидетелем сегодняшнего зрелища, — аккуратно начал Брауни. — Те сокровища, о которых идёт речь... Я наслышан о них. Поговаривают, что в них таится некий магический жезл. Может, он сможет помочь вам?

— Вы были правы, думая, что я посчитаю вас безумным, дорогой капитан. Об этом не может быть и речи.

— Но почему же? — Брауни сжал кулаки. Он был так близок к тому, чтобы заинтересовать короля!

— Я не хочу иметь дел с проклятьем. Это не приведёт ни к чему хорошему. — неохотно признался Эло.

— Неужели вы и правда верите во всё это? — Брауни осёкся под суровым взглядом Эло.

— Также, как верю в то, что магия — наш ключ к прогрессу.

Через десять минут Брауни вышел из кабинета короля Эло. В приёмной уже сидело несколько человек; среди них он узнал капитана местной гвардии и одного мелкого помещика. С последним Брауни был знаком лишь поверхностно и сталкивался с ним несколько раз при дворе. Коротко кивнув обоим, он уже собирался покинуть зал, когда дорогу ему преградил Френсис.

Молодой человек смотрел на капитана сверху вниз с явной снисходительностью и поджал губы так, будто с трудом сдерживал желание плюнуть ему в лицо. Эта встреча несколько

смягчила общее впечатление от неудачной попытки Брауни заручиться разрешением короля, и с намерено преувеличенной дружелюбностью он протянул:

— А-а, как приятно видеть вас, друг мой! Прошло всего ничего, а я уже было забыл о вашем существовании.

— Ваши остроты, сэр, меня не ранят. Прошу дать мне пройти. — Фрэнсис сделал шаг в сторону.

— Если бы я хотел вас ранить, то сделал бы это куда более простым способом. — Брауни указал на свою шпагу, а затем, отступив в сторону, учтиво поклонился Сиденхейму. — Прошу вас, сэр.

Фрэнсис покраснел, словно закатное солнце над Лотией, и, не дожидаясь приглашения слуги, решительно ринулся в кабинет короля Эло. Слуга опомнился лишь спустя секунду и поспешил за ним. Ожидавшие в приёмной, наблюдали за происходящим молча, но с явным интересом: в их глазах мелькнула тонкая искорка любопытства, присущая всем сплетникам и любителям дворцовых пересудов. Не возникало ни малейших сомнений, что к вечеру весь двор будет осведомлён о перепалке между капитаном «Золотой лани» и капитаном солдат судна.

Желая немного покрасоваться перед сидевшими и, возможно, произвести впечатление человека обходительного, Брауни повернулся к ожидавшим и дружелюбно поклонился:

— Прошу прощения за эту нелепую сцену, джентльмены.

С этими словами он развернулся и широким шагом вышел из передней. Дел на сегодня у него больше не оставалось.

Глава 6. Дела суетные

Сколько бы ни старался Брауни держаться непринуждённо, на душе у него было паршиво. Он уже и не помнил, когда в последний раз сталкивался с отказом. Завидное положение, деньги и близость к власти принесли ему всё то, за что его так охотно ругали завистники: тщеславие, лёгкое распутство и влияние. Однако больше всего Брауни упивался не этими удовольствиями, а странным, глухим унынием, которое незаметно пустило в нём корни.

Запретный плод начинает горчить, когда покупаешь его за золото. Брауни не терпел отказов и привык добиваться желаемого, поэтому ответ короля задел его сильнее, чем он хотел себе признать. Даже приготовившись к отказу, он всё же надеялся, что Эло поступит как многие — поддастся соблазну быстрого обогащения.

Оставшаяся часть дня прошла спокойно и без событий. Новый рейс намечался не раньше чем через месяц, а с приближением лета и нарастающими морскими волнениями сроки могли сдвинуться. Не находя себе занятия, Брауни отправился бродить по улицам Рейнгарда, заранее переодевшись в простую одежду, чтобы не привлекать лишнего внимания.

После казни жизнь на улицах будто бы замерла. Возможно, дело было в надвигающейся непогоде, но рейнгардцев подобным трудно было напугать. Вернувшись на городскую площадь, где всё ещё висело тело Сорвиголовы, Брауни направился к храму Гелиора.

Храм возвели всего пару лет назад на месте статуи. По меркам города он считался скромным, но Эло пообещал однажды отстроить его выше всех шпилей. Перед входом выстроилась плотная толпа желающих попасть внутрь. На миг Брауни подумывал присоединиться к ним, но, увидев давку у дверей, отказался от этой затеи.

По соседству с храмом стояли две небольшие часовни: одна в коричнево-золотых тонах была посвящена Рее, другая, выдержанная в чёрном и аметистовом — Бериалу. Здесь людей было заметно меньше, и Брауни направился к часовне Бериала, заранее проверив карманы: прихожане этого храма славилась не самым благочестивым нравом.

Бериал — покровитель тех, кто прячется во тьме, и тех, кто отправляется в долгий путь. Свет, пробивавшийся сквозь витражи, рассыпался по полу пёстрым узором. В центре стоял небольшой алтарь с фигуркой божества: в одной руке оно держало вырванное из собственной груди сердце, в другой — занесённый над ним нож. На аметистовом постаменте под статуей была выбита надпись:

«...И вырвал он своё сердце, и окутал его Тьмой, ибо Тьмой был он сам».

Спустя некоторое время Брауни вышел из часовни и направился дальше. Вечерело, и город постепенно оживал. По улицам проходили фонарики — ещё полгода назад освещалась лишь центральная площадь — и зажигали фонари один за другим. Лавки и таверны открывали двери, в воздухе смешивались хмельной аромат, жареный лук и запах масла. Начинался дождь; где-то в стороне несколько раз сверкнула молния и прокатились глухие раскаты грома.

Брауни подумал, что стоит заглянуть в портовую таверну и провести вечер за игрой в карты. После посещения часовни на душе у него стало легче, и он бодрым шагом направился в сторону причалов.

Вечером на город опустился густой туман, и свет фонарей стал размытым, будто кто-то капнул жёлтой акварелью на бумагу. В портовом квартале бурлила жизнь: по узким улочкам и переулкам разносились гогот и музыка из ближайших кабаков. Прохожие шлёпали по грязным, немощёным дорогам и ругались на чересчур резвых извозчиков. Главным местом сбора моряков оставалась таверна «Рыбья кость», стоявшая за доками.

Внутри было набито битком, несмотря на относительно ранний час. Трактирщик заметил Брауни и привычным жестом кивнул ему в сторону дальних столов. Там сидел Джек в ком-

пании нескольких офицеров. Матросы разместились отдельно: их стол был завален пустыми кружками, а лица покраснелись, будто нагретое железо. В проходах толпились, и почти каждый стол обсуждал сегодняшние события.

Брауни облокотился на стойку и позвал трактирщика. Тот, отдав закуску другим гостям, позвал помощника и подошёл:

— Брауни, рад тебя видеть! Что слышно? — он широко улыбнулся и поставил перед капитаном тарелку сыра.

— Здравствуй, Боб. Гляжу, у тебя сегодня тесновато.

— Не без твоей помощи.

Боб достал два стакана, поставил между ними, а затем извлёк из-под стойки бутылку. Смахнув пыль, откупорил её громким хлопком, разлил по стаканам и продолжил:

— Удачно вы сегодня приплыли. Я и так знал, что народ сбежится языками почесать, но после случившегося им стало вдвое охотнее. А здесь ещё и ваш корабль тут как тут. В последнее время разговоры только о сокровищах... ну и сам понимаешь, о чём. Твои матросы вернулись и давай рассказывать, будто вы что-то выловили, а потом ты целый день в каюте сидел. Это правда, что вы видели тот корабль?

— Вот же ж... — Брауни стукнул кулаком по стойке.

— Понятно. Я так и думал.

— Только не говори, что и ты веришь в этот корабль, Боб.

Трактирщик почесал затылок, явно колеблясь:

— Ну а как не верить? Тут порой такая чертовщина творится. Под Готкой, в лесах, говорят, всякая дрянь завелась. На той неделе моему шуруну чуть ногу не оттапали, когда он через лес ехал. Лошадь потерял... жалко, конечно.

— И много этой «дряни», по-твоему, развелось?

— Много, — протянул Боб и наклонился ближе. — Говорят, что это всё магия. Она вернулась — и ладно бы, но пользуются ею не те, кому стоит. Вот и вылезает всякое...

— Вечно у вас магия во всём виновата, — отмахнулся Брауни.

В таверну продолжали стекаться новые посетители, и Брауни поспешил к своим, пока рядом ещё оставалось свободное место. Воздух был затхлым, словно в трюме. Перед уходом он заказал пинту пива и теперь пробирался через забитые людьми проходы, стараясь никого не облить. Это оказалось не так просто: пару раз он поскользнулся на чём-то скользком, ещё несколько раз получил случайные тычки от игроков в бридж и зрителей.

Добравшись до стола, Брауни плюхнулся на скамью и сделал долгий глоток прохладного пива. Он застал товарищей в тот момент, когда Джек пересказывал события на площади. Офицеры слушали с упоением и гоготали в три голоса на моменте, где Сорвиголова попытался бежать.

— Собаке — собачья смерть, — бросил один.

— Ага. Он всем нам кровушки попортил. У меня семья из Крейфиша — так они в последние месяцы дальше прибрежной линии не выходили. Сорвиголова ведь с дружками на соседние деревушки нападал. Крейфиш большой, домов двадцать, если не больше, — вот он туда и не совался, — добавил другой.

Время за разговорами пролетело незаметно; на город успела опуститься тёмная ночь. Брауни наконец немного расслабился и хохотал вместе с остальной командой. Вскоре к ним присоединились и простые матросы, и их компания заняла уже несколько столов. После пары лишних кружек моряки принялись играть в ножички. По столу звенели монеты, а через общий шум было едва слышно тихое «тук-тук-тук», становившееся всё чаще. Брауни от участия отказался: двух отрубленных фаланг ему хватило на всю жизнь.

Таверна стремительно пьянела: становилось веселее, громче, шумнее. Казалось, невидимая волна захлестнула всех, вовлекая в общий разгульный танец. Вот уже весь зал отплясы-

вал джиг так, что пол ходил ходуном. Брауни, внезапно обнаруживший себя танцующим среди остальных, подумал, что было бы крайне некстати, если бы доски сейчас провалились. Да и земля вокруг него ощутимо ходила кругом. Спустя несколько минут он понял, что ноги подвоят, и решил присесть — к счастью, именно в этот момент заиграла «Русалка».

*В пятницу утром, закрепив паруса,
Поплыли вдоль берега мы.
Русалка, завидев корабль вдали,
Поплыла за ним вдоль земли.
Морские волны бьются,
Штормовые ветры рвутся.
А мы, моряки, скачем на вершине волны,
Пока те, кто на суше спокойно спят, спят, спят.
А те, кто на суше спят.*

*Капитан судна сразу узнал, кто стал причиной беды.
Собрал он нас всех и громко сказал:
«Русалка нас в пропасть зовёт впереди!»
Ветры завывли, шторм набежал,
И корабль наш в море пропал.*

*Плакал матрос, совсем юным он был,
Ни месяца с жёнкой он не пожил
«Ушёл я в моря, дорогая жена,
Теперь носить чёрное будешь не зря».*

*Морские волны бьются,
Штормовые ветры рвутся.
А мы, моряки, скачем на вершине волны,
Пока те, кто на суше спокойно спят, спят, спят.
А те, кто на суше спят.*

*Встал боцман нашего корабля.
Был он отважный, покорил все моря
«В Лотке осталась подруга моя,
Надеюсь, уронит слезу за меня».*

*Матросы в отчаянии пели «Прощай!»,
Про родных и дом вспоминая.
Русалка, как призрак, на камне ждала,
И в пучину корабль звала.*

Прозвучал финальный аккорд, и таверну окутало молчание. Каждый думал о своём: о судьбе павших товарищей, о судах, что больше никогда не увидят родные берега, и о себе, ведь такая участь могла настичь каждого из них. Но тишина длилась недолго. Заиграла простая весёлая шанти, кто-то подпевал и стучал кружкой, хотя единогласного веселья уже не было.

За соседним столом разгорелась жаркая беседа. Моряки спорили между собой с таким пылом, что отрывки ругани доносились и до компании Брауни.

— Да я тебе говорю, видел его своими глазами! — пылко восклицал один моряк. Речь его была спутанной.

— Бреешь, пёс! Ты у нас, значит, один такой, а все остальные дураки.

— Говорю же, они меня высадили в Рич-Поинте, когда у нас рейс был. А на следующую ночь я его и увидел.

Разговор прервался новой песней, под которую моряки пустились в пляс. Этот бы разговор Брауни пропустил мимо ушей, если бы его острый слух не уловил слово «сокровища». Оставив своих друзей, он направился к трактирщику и заказал три пинты пива. С трудом добравшись со своим грузом до нужного стола, он представился и предложил своим новым знакомым разделить с ним вечер в обмен на хорошую историю.

— Видите ли, друзья, я случайно услышал ваш разговор, и он меня весьма заинтересовал, — сказал Брауни, пододвигая пинты к захмелевшим морякам.

— Благодарим, сударь. Да мы тут... Вы же слышали о призрачном корабле? — спросил один из моряков.

— И немало, — сухо бросил Брауни.

— Этот, — второй моряк указал на своего товарища, — мне пытается доказать, что видел его! А я говорю: нет никакого корабля, всё это бабьи байки!

Моряки готовы были снова спорить, но Брауни их опередил:

— Как вас зовут, друзья?

— Я — Майко, был моряком на затонувшей «Госпоже Рее», — сказал первый. — А вот он — Сэм, тоже моряк, только на корабле третьего ранга «Рейнгарде I».

— Расскажи-ка свою историю, Майко. Я, как и твой товарищ, не склонен верить в призраков, но, возможно, ты сумеешь меня убедить.

— Опять эту историю слушать... — тоскливо протянул Сэм, отпив из наполовину пустой пинты.

— Устраивайтесь поудобнее, сэры, — воодушевился Майко и приосанился, будто готовил речь для настоящего выступления. — Рассказ будет долгим!

— Долгим — это мягко сказано, — проворчал Сэм.

Так, Майко начал свою историю.

Глава 7. Встреча с кораблём

«Наша шхуна, «Госпожа Рея», отплыла от Золотых Ворот 2 января 10-го года. Это был скромный купеческий корабль с водоизмещением примерно в 500 т.. Команда тоже была небольшая — человек 160, не больше. Капитан нашего судна, Эйрик Ринкфор, к тому моменту ходил под парусом уже более десяти лет. В последние лет пять он возил грузы к Ветряным островам с остановкой в Рич-Поинте. Вы бывали на островах, сэр? Ну тогда вы знаете, насколько это дрянное место, а путь к нему ещё более опасный, чем воды Северного моря.

Это должен был быть обычный рейс — мы рассчитывали прибыть на острова не позднее конца февраля и пробыть там какое-то время до новой погрузки. Однако с самого начала нас начали преследовать неудачи. Я уж не знаю, что там в компании напутали, но бумаги нам выдали на имя давно утопшего фрегата «Лорда Бериала». Не иначе как это было предзнаменование! Вам стоило бы послушать, как ругался капитан. Даже мы, бывалые матросы, и то краснели от пяток до ушей. К тому моменту, как мы загрузили товар, воды Лотии были неспокойны. Будто бы высшая сила нас предупреждала, что не стоило уходить в плавание.

Шторм всё не утихал, так что целую неделю мы провели в порту, ожидая, когда же воды хоть немного успокоятся. На седьмой день появилось солнце, и мы начали поднимать паруса. Но и тут нас ждала неудача! Сильные ветры и непогода повредили такелаж судна. Из-за внезапного шторма мы перетянули снасти так, что это привело к нагрузке на бушприт, который, в конце концов, сломался. Так, наша поездка отложилась ещё на некоторое время.

Мы, матросы, уже начали подозревать неладное. Уж всякое на море бывает, сэр, да только вот если так сразу, то стоило бы от поездки отказаться, но деваться было некуда. Пока мы чинили бушприт, по лагерю Золотых Ворот прошли слухи. И слухи те потревожили нас ещё больше: рыбаки божились, что видели неких существ, которые плавали вдоль берега. Я бы в эти рассказы, может, и не поверил, да только в другую ночь, когда дежурил, сам своими глазами видел, как у носа шхуны что-то барахталось. Для рыбы слишком большое, а другого в Лотии и не водится.

Эти слухи совсем расстроили командный дух, и капитану пришлось хорошенько постараться, чтобы команда не разбежалась раньше времени. Что же до меня, то, знаете, внутри было предчувствие совсем нехорошее, но и оставить судно я не мог. Спустя три недели простоя, мы всё же отплыли. Наши изначальные страхи не оправдались, и путь до Сандракарского моря прошёл спокойно. На второй месяц путешествия, однако, нас снова постигло несчастье.

Среди моряков начался флюс — уж простите, что не к месту сказано! Первыми жертвами болезни стали юнги. Видимо, их молодой, ещё не привыкший к суровым условиям жизни на корабле, организм, дал слабину. Лихорадка бушевала в форпике уже через несколько дней. Стало ясно, что припасы были испорчены, однако сказать точно, в какой момент это произошло, не представлялось возможным. Капитан держался до последнего, но и он вскоре свалился с лихорадкой. До нашей следующей остановки было ещё минимум неделю пути, которую мы провели в молитвах.

Не припомню худших времён с момента восстания, сэр. Дрянное время, скверное. Я хоть и держался до последнего, но в итоге свалился с лихорадкой похуже других. Мой товарищ, с которым мы плавали последние лет... Уж и не припомню сколько, погиб на вторую неделю после начала болезни. Много достойных сынов погибло, сэр.

Я и сам бы отправился к Гелиору, да только на третью неделю нам повстречался бриг. Его капитан был к нам милостив и отправил некоторое количество свежих припасов, которые помогли нам продержаться до Рич-Поинта. К тому моменту я был в бреду и мало что помнил. Окончательно я пришёл в себя на больничной койке лазарета Рич-Поинта. Прошла неделя с тех пор, как меня туда доставили, капитан нашей шхуны рекомендовал мне остаться в лазарете

до полного выздоровления. К счастью, мне хватило ума его послушать, и мы условились, что они заберут меня на обратном пути.

Губернатор долго уговаривал капитана отложить путешествие и отправиться обратно. Город полнился слухами о некоем корабле, при встрече с которым происходили разного рода несчастья. Однако капитан отказался от предложения губернатора, и вскоре они отплыли из порта Рич-Поинта.

Когда же я поправился настолько, что мог сам ходить, то стал частенько прогуливаться по городу. Был конец февраля, так что погода стояла прескверная. Но, знаете, эти прогулки меня хоть как-то развлекали. Однажды под вечер я увидел странное свечение в северо-восточной части, как раз там, где находились Ветряные острова. Сначала уж было подумал, что может шторм какой. Там же регион такой: что не гроза, так шквальный ветер, но свет этот был странным. Словно... Не знаю, у меня от него мурашки по коже пошли. Я много чего повидал, но было в этом зрелище что-то дьявольское! Я тут же пошёл к себе в комнату, которую мне удалось снять недалеко от прибрежной таверны, и стал молиться.

На следующий день я рассказал о случившемся трактирщику, и тот подтвердил мои догадки. Свет этот шёл от «Полуночного Солнца», и за последние пару месяцев его видели не меньше десятка раз. Встреча с этим кораблём сулила гибель судна и всей его команды. Трактирщик рассказал мне, что судно это, по слухам, принадлежало знаменитому пирату Чёрному Псу, который перед смертью закопал свои сокровища на одном из Ветряных островов. Сокровища эти были непростые, поговаривают, что среди них был жезл самого Карадорна, а вы сами знаете, что такие вещи стоят дороже всего золота.

Чёрный Пёс боялся, что на его сокровища позарится кто-то из команды, а потому в одну из ночей закопал его на острове. Он-то думал, что за ним никто не следит, да только команда уже давно на него зуб точила. Был он человеком жестоким и алчным, и на людях своих экономил как мог. Так что команда только и ждала подходящего момента, чтобы избавиться от своего капитана. Подкравшись к нему, они по очереди воткнули в него кинжалы. И тут-то, господа, и произошло самое интересное. Умирая, Чёрный Пёс проклял их всех и сказал, что они обречены умереть так же, как и он — от руки своих товарищей. И каждого, кто посягнёт на его сокровища, будет ждать та же участь.

И действительно, когда последние слова сорвались с его губ, непроглядная тьма окутала остров. Воздух стал тяжёлым и прелым, словно они очутились во владениях Бериала.

Моряки пришли в ужас, ощущая, как что-то зловещее заполнило их сердца, их рассудок помутился, а руки сами потянулись к оружию. Каждый из разбойников ощутил на себе взгляд своего товарища, а уже в следующее мгновение началась бойня. Продолжалась она, пока пираты не перерезали друг другу глотки. С тех пор так и повелось, что не знают покоя пираты, и вынуждены они бороздить моря вместе со своим капитаном до скончания веков.

«Госпожа Рея» так и не вернулась из своего рейса на Ветряные острова. Я провёл на острове Рич-Поинта порядка полутора месяцев, прежде чем меня подобрал небольшой торговый корабль, приплывший из ближайшего городка Мирфелла. Позже, когда мне удалось добраться до Рейнгарда, мне сообщили, что «Госпожа Рея», по-видимому, попала в шторм и затонула. Позже к берегам Рич-Поинта прибило тот самый злосчастный бушприт, и тогда стало окончательно ясно, что ни команда, ни корабль больше не увидят родных берегов».

— ... Так что, нежели вы, сэр, удумали за сокровищами гнаться, то я бы на вашем месте эту затею оставил. Ничем хорошим она не закончится. Оставьте это дуракам, жадным до золота. Душа-то, важнее. — заключил моряк. Под конец истории язык у него уже еле ворочался. Второй моряк благополучно спал, облокотившись на свою руку.

Брауни с мрачным видом слушал этот рассказ, после чего поднялся из-за стола.

— Ну, уж о моей душе не беспокойся, а вот рассказ твой мне оказался весьма интересен. За это я даже готов угостить тебя ещё одной пинтой.

— Мне уже хватит. Эй, вставай давай, — Майко резко толкнул своего товарища, так что тот от неожиданности упал со своего места.

Оставив моряков, Брауни присоединился к своим товарищам, которые активно играли в бридж и не стали утруждать себя расспросами капитана. Остальная часть вечера прошла без приключений. Теперь Брауни ещё больше занимали мысли о сокровищах.

Глава 8. Новая попытка и новая неудача

Наступило утро, и капитан Брауни проснулся с полной уверенностью, что сегодня ему точно удастся уговорить короля. Всю ночь Брауни снились несметные сокровища и загадочный корабль, охранявший своё богатство. Видеть сокровище, но не мочь к нему прикоснуться, было выше сил Брауни даже во сне, поэтому проснулся он в абсолютно дурном расположении духа, которое лишь усилило его уверенность в том, что своей цели он добьётся любым способом.

Несмотря на столь неприятное начало дня, просыпаться в своём доме было приятно. Про себя Брауни отметил, что до этого не обращал особого внимания на небольшие, но приятные мелочи, которыми обладает жизнь на суше.

Было не более девяти часов утра, обычно готовился принимать посетителей, так что у Брауни хватало времени на быстрый, но приятный завтрак и прочие мелочи. Он собрал волосы в длинный аккуратный хвост, отметив, что не мешало бы слегка подстричь усы и бородку. Слуги принесли ему новый костюм, вышитый по последней Рейнгардской моде — за время отсутствия Брауни, покрой костюма сильно изменился. Теперь вместо короткого камзола, богато украшенного жемчугом и шелковыми нитями, носили длинный распахной кафтан. После короткого, напоминавшего детскую одежду, брасьера, кафтан казался подчёркнуто строгим. Передняя часть кафтана состояла из множества золотых пуговиц и была богато украшена. Рубашка так и осталась расшитой, с пышными рукавами, только её кружевные манжеты стали цветными. Кафтан плотно облегал талию, а сбоку подпоясывался шарфом на манер банта. Что особо понравилось Брауни, так это карманы — теперь не нужно было подвязывать кошелёк к поясу. Шпагу Брауни повесил на перевязи через плечо, и в таком облачении капитан спустился.

Из кухни доносились приятные ароматы, слуги уже вовсю хлопотали над сервировкой. Подали яичницу с беконом и бобами — любимый завтрак хозяина дома. Рядом с тарелкой лежал его любимый шелковый платок, маленькая причуда, которую капитан подхватил бог весть откуда. Однако шёлковый платок был залогом хорошего утра. Брауни не был привередлив, но свежая одежда приятно касалась тела.

Одна из служанок открыла окно, и в гостиную тут же ворвался ледяной ветер, какой бывает только в Рейнгарде даже поздней весной. Где-то на крышах домов кричали чайки, а улица постепенно заполнялась ароматами, доносящихся из лавок уличных торговцев. Пахло домом, спокойствием и чем-то давно позабытым, что таилось в глубинах его жилища. Небо хмурилось. Затянутый тучами небосвод был словно палитрой синих красок. В нём угадывались оттенки голубого, серого и даже сиреневого, что казалось вызывающе ярким на фоне острых замшелых шпилей города.

Около десяти утра Брауни вышел из дома, наказав служанкам приготовить его любимый ужин: свиные уши в пикантном соусе и картофельное пюре. Перед визитом к королю капитан намеревался совершить небольшой променад и послушать, о чём же говорят на улицах. Начало накрапывать, но Брауни, как и любой житель Рейнгарда, не обратил на это внимания и лишь лёгким движением поправил свой плащ. Брауни намеревался узнать как можно больше о сокровищах и этом треклятом корабле, но, что ещё важнее, — он хотел собраться с мыслями перед предстоящей встречей.

Вчерашний отказ был неприятен Брауни. Он понимал, что сегодня ему придётся придумать что-нибудь получше. Что-то, что могло убедить наместника с первой секунды, но пока таких идей ему не приходило в голову. Свежий, насколько это возможно в большом городе с узкими улицами и слаборазвитой канализацией, воздух взбодрил его дух. Он шагал порядка десяти минут по улице, пока, наконец, не свернул в крохотный сквер недалеко от трёх храмов. Там, постояв несколько минут, он прислушивался к тихим, неторопливым разговорам обес-

печенных горожан. Некоторые узнавали его и кланялись, другие заводили короткие пустые разговоры. Брауни был безупречно вежлив, и также учтив, но внутри него, подобно спящему вулкану, горело нетерпение.

Пару раз ему удавалось подслушать разговоры, в которых говорилось о сокровищах или о Ветряных островах. Как правило, это были разговоры о частных кампаниях и возможных рейсах, которые богатые авантюристы могли себе позволить. Будь такие деньжища у самого Брауни, он бы уже отплывал от берегов Рейнгарда на арендованной шхуне с небольшим экипажем, но долг не позволял ему уходить дальше рейнгардского порта при всём его желании.

В основном говорили о казне. Сплетни — настоящий двигатель прогресса и любого развитого общества. Каким бы мог быть Мирфелл если бы при дворе не было баллов, танцев, и жарких сплетен, цветущих в таких местах? Брауни вообще с подозрением относился к людям, которые не любили бы пропустить словцо о чём-нибудь — а ещё лучше ком-нибудь — насущном. Таким был Фрэнсис, который не хотел иметь ничего общего со слухами и пересудами.

Проведя некоторое время в сквере, Брауни всё же решил отправиться дальше. Королевский замок располагался совсем близко, но капитан решил сделать небольшой крюк, и заодно завернуть в улочку, на которой ещё вчера приметил новую лавку с товарами для «Поиска сокровищ и оберегами от призраков». Сам магазин не интересовал Брауни, а вот посещающая его публика наверняка обладала развязанным кошельком и языком без костей.

Дорога заняла чуть больше времени, чем он рассчитывал. Тучи уже совсем сгустились над городом, и дождь грозился пролиться стенами. Несколько раз Брауни чуть не обрызгали проезжающие повозки, но, к счастью, ему удавалось увернуться. Позже в лавке с тусклым светом промасленной лампы он заметил расплывшееся пятно аккуратно на рукаве белой рубашки. Пятно было никак не скрыть, и явиться к в таком виде было бы немислимо. Это означало, что Брауни следовало вернуться домой и сменить свой наряд, а затем вызвать карету и беспрепятственно доехать до места.

Это ещё больше омрачило настроение капитана, который уже и без того успел пожалеть о своей необдуманной затее. На входе в лавку его встретил мальчишка-попрошайка лет десяти. Одежда на нём вся истрепалась, а местами висела ключьями, словно его кто-то беспощадно драл. Лицо было таким тощим и чумазым, что на его фоне глаза мальчишки выступали огромными янтарными пятнами. Выражение лица мальчишки, в противовес его жалкому виду, было бойким и даже нагловатым.

Как только мальчишка завидел подходящего к двери Брауни, то уже было протянул к нему руку. Лицо его при этом вмиг приняло такое жалобное выражение, что вызывало не иначе как самые жалостливые чувства у какой-нибудь овдовевшей жёнушки. Дрожащая рука мальчишки уже было потянулась вперёд, но Брауни остановил его на полпути:

— Не стоит.

Мальчишка на мгновение опешил, но тут же взял себя в руки.

— Уважаемый, достопочтенный сэр, помогите сироте!

Парень был явно прожжённым попрошайкой, что даже повеселило Брауни: он опустил руку, с любопытством ожидая, что же ещё ему скажет мальчишка. Тот принял это за добрый знак и продолжил:

— Мне и медяка хватит. Я же не для себя прошу.

— А для кого же?

— Я для сестрички. Ей ещё и четырёх нет. Мы совсем одни остались, дайте медячок.

— Что же стало с твоими родителями?

— Матушка от чахотки померла не далее как седьмого дня, — отчеканил он. — А папаша как-то вышел за мукой и не вернулся. Всего пару медячков, сэр. С вас не убудет, а детки голодными не останутся.

Брауни внимательно выслушал его, мальчишка уже успел промокнуть до нитки. Казалось бы, совсем недавно и Брауни был таким же голодранцем. Одно, что милостыню не просил.

— Шёл бы ты отсюда, парень. — мрачно бросил капитан и прошёл внутрь лавки. Вслед ему полетело проклятье.

Лавка располагалась рядом с верхним кварталом, в котором жили зажиточные горожане, поэтому цена на товар здесь была соответствующей. Как только Брауни вошёл внутрь, над дверью звякнул колокольчик. Из ниоткуда тут же появился любезный юноша и поспешил забрать промокший плащ Брауни. Лавка оказалась просторнее, чем выглядела снаружи. Длинные ряды со всякой всячиной уходили вглубь здания. Про себя Брауни отметил, что пахнет просмоленной древесиной, точно как на корабле.

Былолюдно. Лавка состояла из двух больших проходов, по обеим сторонам которых располагались прилавки с утварью. Рядом с каждым из них стояло по несколько человек. Хозяин лавки, шустрый мужичок лет сорока, перебегал от одних посетителей к другим. С его лица не сходила услужливая улыбка, которая становилась тем шире, чем увесистее был кошелек посетителя. Брауни воспользовался тем, что тот был занят обслуживанием одной пары и прошмыгнул в один из рядов, оказавшись рядом с диковинными ракушками разных размеров. Помимо ракушек на полках лежали совершенно разные приборы и устройства, назначение которых осталось для него загадкой. Одни напоминали компасы и подзорные трубы: только вместо увеличительного стекла в них были вставлены маленькие витражи, глядя через которые можно было поймать резные узоры.

Дальше лежал целый ряд кристаллов, разноцветных камней разного размера и резные украшения из рыбьей кости, которые, судя по всему, были различными амулетами. Чем дальше проходил Брауни, тем диковиннее и дороже становились предметы. Воздух в задней части был разряжен, словно во время грозы — в нём витала магия. Свет здесь был приглушённым, и большая часть вещей состояла из магической руды, которая подрагивала голубоватым мерцанием. Разговоры здесь были тише, и оттого Брауни пришлось хорошенько прислушаться, чтобы понять, о чём же говорили посетители. Он взял в руки предмет, напоминающий бычий рог, и с видом знатока повертел его в руках. Рядом с ним стояло двое юношей, который с жаром спорили о вещице перед ними:

— Да ты только глянь, вещь-то стоящая.

— А по-моему ерунда какая-то. Для чего это вообще нужно?

— Сразу видно, что ты в мореплавание ничего не смыслишь! Это же новейшее изобретение — магическая астробабия.

— Разве астробабия не изобрели ещё при Клине Манклейте, когда ещё нашли Ветряные острова?

— Ты совсем, что ли, не слушаешь? Я же говорю: ма-ги-чес-ка-я. Посмотри, у неё стрелки сделаны из руды.

— И чего?

— А то, что она тебе покажет, где зарыты сокровища! Так как стрелки магические, то они могут распознать, где лежит магический предмет и к нему привести.

— Так если она указывает на всё магическое, то как я узнаю, что она меня к сокровищам приведёт, а не к какой-нибудь безделушке?

— Во-первых, потому, что сокровища не просто набор безделушек. Там же такое хранится...

— Какое?

— Ну такое... Да ты понял! Что-то очень хорошее, на чём можно разбогатеть. А во-вторых, видишь здесь специальные символы, если их научиться читать, то сразу станет понятно, на что астробабия будет показывать.

Первый юноша взял астролябию в руку и чуть поднял её к свету. Её стрелки завертелись, словно сумасшедшие.

— Видишь, как ходуном ходят! Это всё потому, что здесь всё магическое. Вот я сейчас здесь подкручу, и она нам укажет на самый сильный предмет.

Всё тот же юноша покрутил механизм, и стрелки резко остановились в одном направлении. Они указывали на Брауни. Юноши развернулись и только сейчас заметили капитана, который не отрываясь следил за ними; в руках он всё так же держал рог.

— Ой, — пискнул первый, — а мы вас не заметили. Извините.

— Да ничего, — спокойно ответил Брауни. — На меня показывает?

Юноши с недоумением посмотрели на астролябию, а затем на Брауни. Второй парень показал на рог, в руках Брауни.

— Наверное, он на горн показывает.

— Какой же это горн? — удивился Брауни. — Это же коровий рог.

— Так-то оно так, — по правому плечу Брауни вдруг выросла проворная фигурка хозяина лавки, — только если вы заметили, то во-от здесь выведены особые символы. Они вам знакомы?

Брауни уставился на закорючки, которые, по его мнению, не имели никакого смысла.

— Не уверен, сэр, — пробормотал он.

— Я так и думал, — самодовольно начал торговец. — Дело в том, что это древний язык хистов. Слыхали о таком? Это племя, обитавшее на восточном берегу Мирфелла в период Первых Городов. Вскоре под натиском мирфельцев, хистам пришлось покинуть свои земли и по легенде, они ушли под воду.

— Господи, только не говорите, что... — Брауни уже понял, к чему ведёт эта история, но хозяин, видя реакцию юношей, которые слушали его историю с открытыми ртами, не стал останавливаться.

— ... Они отравили хвосты и поклялись топить корабли всех мирфельцев, что посмеют зайти на их территорию. Этот чудесный боевой горн, прошу, сэр, дайте мне его сюда. Осторожнее! Этот боевой горн использовался хистами для призыва своих сородичей. Да-да, юноши, это совершенно точно. Незаменимая вещь, если вы собираетесь отправиться в плавание. Вы же знаете, что хисты жили недалеко от нынешнего Стормфорда, знаете где это? Да, верно, молодой человек, ближайший город к Рич-Поинту. Я вам больше того скажу, у меня всего таких несколько штук, и даже сам король попросил меня об одолжении... Впрочем, я не могу об этом распространяться. Короче говоря, если дунуть в него три раза, то можно совершенно точно не бояться нападения хистов. Даю вам своё честное офицерское!

— Где же вы служили, офицер? — Брауни расплылся в холодной улыбке, предвкушая интересный разговор.

Торговец с удивлением уставился на капитана. Недовольство сменилось удивлением, которое быстро переросло в узнавание. Он слегка побледнел, потом покраснел, но взял себя в руки.

— Много где... А вы, я вижу...

— Капитан Брауни, — он протянул руку, наблюдая, как сереет торговец. Юноши при его словах дружно ахнули.

— Так это вы?.. Тот самый!.. Пресвятой Гелиор, что же вы сразу не сказали!

Торговец так засуетился, что чуть не выронил свой драгоценный рог. Брауни снисходительно улыбнулся, предоставив лавочнику вести дальнейший разговор. Юноши тут же затерялись среди многочисленных полок с товаром, что уже совершенно не беспокоило торговца. Тот сначала убежал за прилавком, в небольшую комнатку, которая располагалась за шторой. Послышалось позвякивание посуды и скрип, будто кто-то решил подвинуть мебель.

Брауни терпеливо ожидал, когда же его позовут внутрь, усердно делая вид, что совсем не замечает, как переменялось настроение вокруг. Люди в лавке перешёптывались за его спиной, а он, в свою очередь, делал вид, что рассматривает безделушки, которые явно не имели особой ценности. Вскоре торговец показался снова. Его лицо скорее напоминало спелую вишню, а на висках виднелись капельки пота.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать, ми-ми...

— Можно просто сэ.р.

— Спасибо, сэ-эр. Не изволите составить мне честь отведать чаю?

Капитан кивнул и направился в сторону комнатухи, куда его позвал торговец. Оказалось, что помещение за шторкой было куда больших размеров, чем предполагал Брауни. Это была богато украшенная комнатуха с резной мебелью и вещицами, которые Брауни сразу приметил как ценные. По центру комнаты стоял круглый стол и две небольшие софы. На столе, застеленном кружевной салфеткой, стояло несколько блюдец с угощениями и напитки. Воздух здесь был слегка спёртый и отдавал пылью, как и все помещения, которые обычно использовали для хранения вещей.

Хозяин магазина усадил Брауни в потёртое, но тем не менее весьма удобное кресло, которое было не меньше возрастом, чем сам капитан. И пока Брауни рассматривал обстановку, хозяин убежал за ещё одну шторку, после чего последовал звон посуды, и торговец появился вновь.

— Я и не представился, сэ.р. Зовите меня Кондис.

— Какое интересное у вас имя. А судя по вашему акценту, вы с запада?

Кондис в это время разливал горячий чай, и рука его случайно дрогнула, чуть не облив капитана кипятком.

— Что же это я в самом деле, — пробормотал он. — Не совсем, сэ.р, я из Талбора.

Торговец боязливо зыркнул на Брауни, но тот лишь растянулся в вежливой улыбке.

— Так значит фелморец, — протянул капитан, отхлёбывая из своей чашки. — Прекрасный чай. Какими же ветрами вас к нам занесло?

Кондис едва заметно выдохнул и, наконец, присел на соседний стул. Он пытался пристроить руки, но те его будто не слушались: сначала он поправил свой кафтан, затем убрал выбившуюся прядь за слегка заострённое ухо.

— Да, знаете ли... В последнее время торговля там совсем не шла, а здесь как раз стали появляться эти слухи о сокровищах. Вот я и...

Он развёл руками, то ли оправдываясь, то ли как бы, говоря «вот как-то, оно так и вышло». Брауни лишь хмыкнул и задумчиво отвёл взгляд вглубь помещения. Там в полумраке едва заметными голубоватыми нитями подрагивали магические предметы.

— Я не ищу магических вещей для своего путешествия. — Кондис заёрзал на стуле, будто его посадили на иголки. Брауни продолжил. — Если вы меня спросите про магию, то я скажу, что все эти безделушки — просто шарлатанство.

— Понимаю, сэ.р. Большинство здешних торговцев продаёт один мусор. Что уж греха таить, вы и сами видели, как охотно публика клюёт на красивые безделушки, если уметь к ним приплести историю. Но я вижу, что вы человек разбирающийся, и обманывать вас с моей стороны было бы крайне глупо. Так что если вы не ищите вещь, может, вы ищите способ, как помочь кому-нибудь?

— Возможно.

Проницательность торговца заставила Брауни врасплох. Он залпом допил чай и с интересом взглянул на Кодиса. Не зря же всё-таки ходят слухи о том, что фелморцы умеют читать мысли.

— Некоторые дела требуют особой деликатности, уверяю вас, что это останется между нами. — Кондис взял в руки фарфоровый чайничек и подлил Брауни ещё чая.

— Что у вас есть для... поиска пропавших? — рука Брауни потянулась к карману, где хранился его платок, но капитан вовремя отдёргнул себя. Кондис этого даже не заметил.

В глазах торговца загорелись искорки, и он тут же бросился к дальним полкам. Полумрак скрывал Кондиса, но, судя по глухому скрежету, он пытался передвинуть что-то весьма громоздкое. Прошло некоторое время, прежде чем торговец снова вернулся к столу. Волосы его были взъерошены и выбились из тугого хвоста, на его макушке красовалась прилипшая к его белёсым волосам паутина. Его костюм помялся и местами был покрыт пылью. В руках он держал небольшой пожелтевший свёрток, перевязанный тугой верёвкой.

Кондис убрал чашки и на их место бережно положил свой улов. В правом углу свёртка едва различалась печать, однако Брауни она была незнакома.

— Очень редкостная вещица, сэр. Посмотрите сюда, так в серебряную эпоху Аурендела помечали вещи, принадлежащие сокровищнице короля Тирина Ветрокрылого. Хоть это и не самая ценная вещь его коллекции, но она способна разыскать человека даже в Тёмном Царстве.

Брауни бережно взял невесомый свёрток и повертел его в руках. Внутри едва ли можно было нащупать твёрдую кроху, которая напоминала пуговицу. Кондис молчал, терпеливо ожидая, когда Брауни развернёт свёрток. Он не хотел торопить покупателя, уже догадываясь, какой вопрос последует дальше.

— И вот это может найти кого угодно?

Этим оказалась небольшая серебряная монета, украшенная тонкой потёртой резьбой. В неё едва можно было угадать символы ветра, окружающие небольшие крылья по центру. Кондис кивнул, не отводя от монеты взгляда, будто боясь, что она может исчезнуть или рассыпаться в руках Брауни.

— Это Алматер — и уверяю вас, ему нет равных. Я даже готов поклясться своей честью.

— Не стоит. — Брауни раздражённо положил монетку в свёрток и отодвинул его от себя.

— Ваши сомнения понятны, но позвольте заметить — этой вещи больше нет равных. Последние алматеры были уничтожены после битвы на Рэнсе, если только народ Аурендела не припрятал их в своих тайниках.

— Избавьте меня от историй. Как оно работает?

Кондис понимающе улыбнулся:

— Простейшие триггеры, сударь. — видя непонимание в глазах капитана, он поспешил добавить, — кровь или магия.

— А если человек, которого я ищу, уже... покинул наш мир? — Брауни нахмурился.

Кондис чуть подался вперёд и прошептал:

— Тогда он найдёт его и в Тёмном Царстве.

Глава 9. Брауни штурмует дворец

Из лавки Брауни вышел под руку с Кондисом, когда дождь уже прошёл. Мальчишка, стоявший рядом с дверью, исчез в то же мгновение, как заметил выходящего хозяина лавки. Впрочем, Кондис этого даже и не заметил, в отличие от Брауни. Он хотел было отдать мальчишке пару медяков, которые теперь неприятно бренчали у него в кармане. На приём к Эло он опоздал, а по дороге домой на него чуть не вылили содержимое ночного горшка.

До обеда оставалась ещё уйма времени, поэтому Брауни решил не откладывать задуманное и, не доходя до дома пару улиц, свернул на главную площадь в надежде застать Лили у себя. Площадь была пуста — даже попрошайки и те попрятались от пронизывающего ветра, танцующего по мокрой брусчатке. Брауни поправил складки своего плаща и бодрой походкой направился к дому Лили. Позади него на фоне серого неба возвышался замок короля, на его нижних этажах уже зажгли лампы. В доме Лили тоже горел свет, что приободрило капитана. Подойдя к парадной двери, Брауни в очередной раз нащупал лёгкий свёрток у себя в кармане и постучал костяшкой пальца по тяжёлой дубовой двери.

Некоторое время никто не отвечал, и Брауни уже было поднял руку, чтобы постучать ещё раз, как вдруг за дверью послышались торопливые шаги. Кто-то подошёл к двери, с лязгом отодвинул железный засов и с усилием отворил дверь. Она поддалась не сразу и с глухим скрипом. В дверном проёме показалось бледное лицо служанки. Девушку Брауни не признал. Где-то в доме послышались короткие шаги, и ещё несколько девушек украдкой выглянули из темноты. Девушке, стоявшей перед ним, не было и шестнадцати лет, однако под её глазами лежали тёмные круги, что и не удивительно. Лили, которая имела привычку работать над книгами допоздна, и при этом вставать с первыми петухами, частенько просила, чтобы кто-нибудь из девушек оставался рядом с ней. Светлые волосы служанки выбивались из-под чепца, будто бы она только отошла от сна. Девушка растерянно моргнула, её взгляд задержался на перекинутой через плечо шпаге и дорогом камзоле. Быстро обернувшись, она шикнула что-то другим служанкам и склонилась в чересчур низком поклоне. Другие служанки тут же исчезли в дверном проёме.

— Доброго вам дня, милостливый господин. Госпожи сейчас нет дома, но я буду рада сообщить ей о вашем визите, как только она вернётся.

— А где же Люси?

— Она, милорд, не работает с декабря. Как отец помер от тифа, так мать и осталась совсем одна. Вот Люси и пришлось вернуться в Крейфиш.

Брауни коротко кивнул.

— Когда же прибудет твоя госпожа?

— Не знаю, милорд. Ещё до завтрака к нам пожаловал сэр Фрэнсис, и они направились в замок. Даже к еде не притронулись! — служанка укоризненно покачала головой и понизила голос. — Я, конечно, ничего не расслышала, но уж вам верно говорю — это всё из-за того корабля.

Служанка замолчала, с любопытством глянув на Брауни. Капитан сдержанно улыбнулся краешком губ. Это придало девушке уверенности, и она продолжила торопливым полуслёпотом:

— Уж какой день весь город на ушах стоит, да вы и сами наверняка всё видели. Помяните моё слово, ничем хорошим это не кончится...

Лицо Брауни сразу же помрачнело, и он раздражённо поправил эфес шпаги. Девушка замолчала, поняв, что наговорила лишнего. Её щёки тут же зарделись, и она снова склонилась в глубоком поклоне.

— Прошу прощения, милорд.

— Передай своей госпоже, что капитан Томас Джон Фишер будет с нетерпением ждать от неё весточки по возвращении, а пока прошу передать ей это.

Брауни выудил из кармана слегка помятый свёрток и вручил его опешившей служанке. Девушка тут же убрала его в карман и отступила в дом. Брауни коротко кивнул в ответ и, развернувшись на каблуках, прошёл до ближайшей свободной кареты. Настроение к этому времени у него испортилось окончательно. Ни один испорченный день Брауни не проходил без участия «сэра Фрэнсиса», будет он неладен.

К моменту, как он добрался до дома, дождь снова зарядил. Брауни расплатился с извозчиком, оставшимися у него после похода в лавку медяками, и карман его значительно опустел. В другой бы день это доставило Брауни, пусть небольшое, но всё же удовольствие, но сейчас он смотрел на мокрые замшелые крыши домов, и на душе у него становилось всё тоскливее. На пороге его уже ждали слуги, часть из которых, завидев, что их хозяин вернулся не в духе, незаметно растворилась в доме. С него сняли намокший плащ, который сразу же повесили рядом с прогретым камином.

В доме пахло дровами и свежеприготовленным обедом. Дождь стучал по крыше, а на столе тёплым светом горели свечи из пчелиного воска — много лучше дурнопахнущих корабельных саловых свеч, которые к тому же коптили. Свиные уши оказались свежими и хрустящими, а на вкус были явно лучше, чем солонина и чёрный хлеб. Отобедав, Брауни стал ждать, и ожидание это растянулось на многие часы. Было далеко за полдень, и Лили, если её вызвали в замок, должна была вернуться не позднее вечернего часа. От скуки Брауни поднялся в свой кабинет и начал изучать карты. Если всё же удастся убедить в необходимости этой экспедиции, то необходимо было продумать их маршрут до того, как бы они наняли подходящую команду.

Перед ним лежала широкая карта Фуэры — двух материков, протянувшихся вдоль необъятной Лотии. Рейнгард находился в северо-западной части материка Мирфелла. Сверху его окутывали воды Бурного моря, а на западе протянулся Студёный океан, который они пересекли при выходе из дельты Лотии. Если бы им удалось выйти из порта Рейнгарда и отправиться вдоль северной береговой линии, то это сократило бы им несколько недель пути. Сделав несколько остановок в Вороной Башне, затем вблизи Магбурга, они могли бы доплыть до Ветряных Земель, даже не заходя в Рич-Поинт. Такое путешествие было рискованым, если даже не сказать самоубийственным. Бурное море славилось своими штормами, топившими чуть ли не каждое проходящее там судно, а если этого не делали суровые волны, то тогда мореплаватели могли попасться в руки прибрежных пиратов, грабящих местные рыбацкие поселения и проходящие суда.

Это был небезопасный, малоизведанный путь, который вряд ли бы одобрил король. Значит, им придётся пойти по привычному маршруту и спуститься в дельту Лотии. Пройдя её, они бы попали в Лотию и курсировали бы вдоль берегов Мирфелла. Пройдя земли Фелморы, они бы сделали остановку в Золотом городе — нейтральной территории для всех королевств. Там пополнив запасы, они двинулись дальше вдоль пустынных земель вблизи Айхена, пока не вышли в море Трёх Содружеств и не дошли бы до Ист-Порта. Оттуда уже им бы предоставлялось два возможных пути: обогнуть остров Санта-Эрзули по восточному мысу и, не заходя в порт, отправиться в воды Ветряного моря. Такой путь мог бы сократить им ещё несколько дней пути, но погода там была такой же непредсказуемой, как в Бурном море, только здесь они могли наткнуться на патрулирующее военное судно фелморцев, а уж на их тёплый приём рассчитывать не приходилось.

Путь по западному мысу Санта-Эрзули был более спокойным, и единственная неприятность, которая могла бы с ними произойти, заключалась в полном штиле, который нередко царил в этой части моря. Зайти в Рич-Поинт казалось более выгодной идеей, поскольку помимо последних приготовлений они могли бы узнать свежие новости, которые бы дошли до Ист-Порта в лучшем случае через неделю. Но и распространяться о цели своего путешествия тоже

не стоило. Санта-Эрзули находился под контролем Мирфелла, но всё же по большей части считался вольной гаванью со своими законами и порядками в лице губернатора острова. «Самый грешный город Фуэры» — Сандракар — находился совсем неподалёку, и его пагубное влияние распространилось и на эти земли, на которых теперь процветало пиратство и разбой. Близость торговых путей трёх государств позволила Рич-Поинту стать центром сбыта краденного. В свою очередь, королевство Фелмори иногда поддерживало Санта-Эрзули твёрдой монетой, чтобы влияние Мирфелла не окрепло при случайной возможности. Сандракар же, который также считался вольными землями, открыл свои порты для авантюристов и моряков любого толка.

Брауни уже порядочно расчертил карту, когда в дверь его кабинета постучали. В комнату полубоком протиснулся слуга, в руках которого была записка. Узнать почерк не составило труда — толстые линии с небольшими кляксами, выдавали человека пишущего медленно, стараясь вывести каждую букву настолько аккуратно, насколько ему позволяли скромные способности. Тем не менее буквы всё равно вышли неаккуратными и скакали по строчке то вверх, то вниз. Даже не читая письма, Брауни мог сказать, что это была весточка от Лили.

Он убрал письмо в ящик своего стола, отдернул штору, чтобы в комнату попало хоть немного уходящего дневного света, и потушил свечу. Внизу он раздал несколько указаний людям: к ужину должны были подать запечённую утку с яблоками и шалфеем, пудинг из хлеба и тарт с крыжовником, посему Брауни надеялся, что встреча с Лили не займёт у него много времени.

Вечерний свет едва ли освещал острые угольные крыши. Улицы покрыла густая тень, которую разгоняли фонарики светом маслянистых фонарей. Дом Лили горел огнями и выглядел чуть ли не лучше, чем днём. Из его окон лился тёплый свет, который заливал площадь перед домом. Словно тени в них мелькала прислуга, носившаяся взад и вперёд.

Оглядев свой костюм, к слову сидевший на нём, как с иголки, Брауни остался доволен. За дверью послышались торопливые шаги, будто боясь запоздать, кто-то тут же открыл дверь, но вместо молодой служанки Брауни встретил мужчину средних лет с проседью в бороде. Слуга, прибывший вместе с Брауни, представил капитана, и прислужник, не раздумывая, пропустил их внутрь. Приятный запах мяты и розмарина окутал Брауни, как только он переступил порог её дома. Она... Она пахла как утренние заморозки, как воздух перед грозой, как вечер, проведённый в лихорадке, как новость о смерти, о которой узнаёшь наутро.

Если и оставалось что-то живое в Лили, так это её приткий, беспокойный ум. Её едва ли можно было назвать образованной и ещё с большей натяжкой — эрудированной, но это не мешало ей быть самой влиятельной женщиной Рейнгарда, если не всего Мирфелла. Гостиная, в которую привели Брауни, встретила его удушливым теплом растопленного камина. Она сидела в кресле напротив очага, взгляд её был направлен в танцующие языки пламени. На её коленях лежал свёрток, который Брауни не мог не узнать.

Прислужник огласил приход Брауни, и только тогда Лили обратила на него внимание. Она была ещё совсем молода, но её и без того простые черты лица заострились и стали по-мальчишески угловатыми. Впалые щёки на бледном лице и тёмные круги под глазами, ещё большие, чем у той девушки, что встретила его с утра. Лили выглядела измождённой, больше похожей на призрака в тёмных одеяниях.

— Что это? — она протянула свёрток Брауни.

Капитан замер у дверей, будто опасаясь сделать шаг вперёд. В её глазах горело что-то тёмное, опасное — огонь, от которого хотелось отвести взгляд.

— Это алматер, — голос Брауни был напряжён, будто каждое слово стоило ему невероятных усилий. — Единственный уцелевший после битвы на Рэнсе. Он поможет найти Вэй, даже если она...

— Её там нет, — Лили развернула свёрток и повертела заржавевшую монету в руках. — Я проверяла. — Она с горечью посмотрела на Брауни. — Зачем?

Она отложила алматер в сторону. Брауни осторожно опустился в кресло напротив, неловко сложив руки перед собой. Тени от пламени метались по бледному лицу Лили, словно призраки.

— Я всего лишь хотел помочь старой подруге. — он осёкся, задумчиво потеряв бороду. — К тому же у меня есть для тебя одна просьба.

Лили неестественно выпрямилась, как если бы кто-то ткнул её иголкой. В глазах девушки заиграло знакомое тёмное пламя, а губы растянулись в недоброй усмешке:

— Чего же ещё я могла ожидать.

— Не злись, это и правда важно. — от волнения Брауни и не заметил, как вскочил в кресло и заходил взад и вперёд по комнате. В его глазах сверкал безумный лихорадочный огонь. — Ты должна уговорить выдать мне новый патент.

Напряжённая маска, застывшая на лице Лили, спала от удивления. Она махнула на него рукой и выпустила короткий смешок, будто он сказал какую-то глупость.

— По-твоему, я клерк или, может, секретарь адмирала?

Её залихватистый смех колокольчиком прозвенел в комнате. Из камина взметнулось несколько ярких искр, которые тут же погасли.

— Неужели и ты тоже надеешься найти это сокровище?

Брауни стоял к ней спиной, тихонько постукивая пальцами по кромке дубового стола. Его пальцы замерли, так и не окончив мелодии. Кто, кроме него самого, осмелился бы обратиться со столь безумным предложением? Брауни лихорадочно начал перебирать имена у себя в голове. Человек, которому пришла в голову такая мысль, должен был быть авантюристом, либо же романтиком, идеалистом, готовым на всё, чтобы выслужиться перед королём. Во всём дворе нашлось бы лишь двое, способных на подобное: он сам и...

— Сиденхейм! — Брауни опустил кулак на стол с такой силой, что Лили невольно вздрогнула. — Забери его Бериал!

Синие языки пламени взметнулись вверх, отчего Лили побледнела ещё сильнее. Она ловко достала из-за пазухи несколько веточек сухоцветов и бросила их в камин. Комната наполнилась запахом розмарина и лаванды, огонь при этом успокоился.

— Осторожнее с такими словами. — сухо заметила Лили, пристально глядя на Брауни.

Брауни снова опустился в кресло напротив и пробормотал извинения.

— А я-то думал, сэр Фрэнсис в восторге от каботажных рейсов. — задумчиво пробормотал он.

— Ещё чего! Ты бы слышал, как после каждого рейса он жалуется. — Она вытянулась и чопорно задрала подбородок, имитируя Сиденхейма. — «Ваша милость, сэр Томас совсем распустил своих моряков! Ваша светлость, они все пьяницы и лентяи, а сэр Томас даже нос не высовывает из своей каюты! Ваше превосходительство, сэр Томас так и не заполнил отчёт!»

Вышло настолько правдоподобно, что Брауни не мог не рассмеяться. Остаток вечера они провели, вспоминая былые времена и смеясь над их общими закадычными знакомыми. Распрощались они, когда часы на городской башне пробили девятый час. Напоследок Лили всё же поблагодарила его за подарок и пообещала похлопотать за него при дворе. Однако капитану стоило набраться терпения, о чём она его сразу предупредила.

Домой Брауни возвратился уставший, но довольный, что день всё же не прошёл впустую. Ужин уже давно остыл, так что ему пришлось довольствоваться хоть и ароматными, но не горячими блюдами. Дело двигалось с места, а ему оставалась набраться терпения.

Глава 10. Аудиенция и новые трудности

Прошла неделя, прежде чем Брауни получил заветное приглашение на аудиенцию к королю. Жизнь на суше шла своим неторопливым чередом, в котором Брауни никак не мог найти покоя. Зачастую его дни состояли из прогулок по рейнгардскому порту, редких встреч со своими знакомыми и долгому сидению за картами Ветряных островов. Были подсчитаны время путешествия, необходимые затраты на команду, провиант, мелкие расходы в портах, включая пошлины и взятки, а также необходимое обмундирование для всего экипажа.

«Золотая лань» должна была увидеть новый расцвет и прославить своего капитана ещё больше, если уж не на весь мир, то точно на весь Мирфелл. С картой старины Мортиса найти сокровища не представлялось такой уж заковыристой задачей. Всё складывалось весьма удачно: период штормов на Лотии закончился, когда они прибыли в Рейнгард, его судно находилось в прекрасном состоянии, а с поддержкой и его звонкой монетой, Брауни наймёт умелых моряков. Если слухи и были правдой, то несметные сокровища сулили всей команде безбедную старость не только им, но и их семьям на три поколения вперёд. Слухи о призрачном корабле должны были отпугнуть часть искателей приключений, а вместе с ними и сократить число возможных столкновений как на море, так и на суше.

Оставалась только одна вещь, которая не давала Брауни покоя — утекающее время. Каждый день задержки грозил срывом возможной экспедиции: будь то смена милости, или же наступающее межсезонье, которое могло принести как проливные дожди, так и полный штиль на море.

Ещё с вечера Брауни приказал выгладить и накрахмалить его самый лучший костюм. Мундир ему заранее пошили по последней моде: на сапфировой парчовой ткани с серебряным шитьём гордо виднелась нашивка с гербом Мирфелла. В петлицы вдоль широкого лацкана были продеты серебряные рельефные пуговицы. Под двубортным камзолом была белоснежная шелковая рубашка с кружевным накрахмаленным воротником. На ногах у него были укороченные парчовые панталоны, а под ними шелковые гетры и туфли с блестящими пряжками. Завершали образ бархатная треуголка с золотым галуном и пером, а также шпага, подаренная Брауни королём после свержения Мифрила Кровавого. Щёки Брауни были такими же гладкими, как морская гладь в безветренный день. Бородка и усы были аккуратно подстрижены, так что в замок Брауни приехал при полном параде.

В кармане у него был неизменный шелковый платок, который он то и дело проверял скорее по привычке. В приёмной собралась куда больше людей, чем когда он был здесь в последний раз. Проходя в отдельную комнату, Брауни краем глаза всё же заметил, что на большинстве посетителей были надеты морские мундиры. На ком-то попроще и совсем неумело, кто-то же нацепил на себя даже парик, хотя их перестали носить уже как с год.

Комната, в которой он оказался, была намного богаче украшена, чем предыдущие гостиные. Здесь гости сидели на отдельных креслах, и атмосфера в целом стояла чинная. Помимо него, в комнате было ещё два человека: пожилой генерал-майор, славившийся своим дурным характером и тем, что курил, не переставая, а также молодой дворянин, которого Брауни видел лишь несколько раз. Оба ожидающих окинули Брауни любопытным взглядом и коротко кивнули. Брауни же склонился в чуть более глубоком поклоне.

Ему принесли чай и засахаренные фрукты в роме. В остальном же в комнате царила гробовая тишина. Время тянулось невыносимо долго, даже несмотря на то, что гостям было предложено несколько угощений и пара отличных сандракарских сигар. Позже вынесли стол для игры в вист, но тогда же на приём вызвали генерал-майора. Прошло ещё около получаса, прежде чем пришёл черёд молодого дворянина, и Брауни остался один, но ненадолго.

Спустя четверть часа двери соседней приёмной отворились, и в комнату вошёл не кто иной, как Фрэнсис Синденхейм. Он бросил быстрый взгляд на Брауни и, в привычной манере, задрав подбородок, сел как можно дальше от капитана. С приходом Синденхейма комната стала казаться не такой уютной. Ранее удобное бархатное кресло стало неудобным и потрёпан-

ным, обивка сидения была неровная и местами проседала. Воздух был спёртым, а въевшийся табачный запах неприятно щекотал нос.

Сэр Фрэнсис же сидел неподвижно, погружённый в свои размышления. Да и что за мысли могли посетить его светлую голову? Не будет же он всерьёз просить отправиться в такое путешествие. Синденхейм, безусловно, не так плох, если речь идёт об охране камней, но по части приключений... Нет в нём этой жилки, нет горящих огнём глаз и запала, которого не затушит ничего в этом мире.

— Лучше бросьте эту затею. У вас ничего не выйдет. — небрежно бросил Брауни.

На лице Сиденхейма заиграла масса эмоций, которую он не потрудился скрыть. Фрэнсис откинулся на спинку кресла и с раздражением посмотрел на Брауни.

— Да что вы себе позволяете? — сказал он с презрительной усмешкой. — Здесь решает король, только он и никто другой.

— Безусловно. Только не спасёт вас во время шторма, не вылечит холеру. Вы слишком избалованы светской жизнью. — Брауни поймал гневный взгляд Фрэнсиса и с улыбкой пожал плечами.

— А вы возомнили себя великим мореплавателем? — голос Сиденхейма казался подавленным и злым. — Да вы и сутки не продержитесь на островах.

Брауни прыснул от смеха.

— Дорогой Фрэнсис, в мои времена Ветряные Острова были фелморскими хлопковыми плантациями, довольно успешными, надо сказать. — Брауни вынул левую руку из кармана, в которой держал платок, и показал свой указательный палец. — И я там побывал.

— Так вы ещё и фелморец? Не удивлён.

— Разделяю ваше отношение к соседям, но должен разочаровать: я родился на востоке Мирфелла в небольшой рыбацкой деревушке. Когда-то украл хлеб, за что мне и отрубили палец, а позже родители отдали меня на воспитание дяде в Крейфиш. У того была таверна, в которой любили останавливаться моряки, и как-то так я поступил на одно торговое судно.

Брауни запнулся, потирая бородку, но, к его удивлению, Сиденхейм продолжал слушать.

— Правда, пробыть на нём мне удалось недолго. Однажды вечером случился шторм, и нас отнесло к южному берегу Лотии. Было так темно, хоть глаз выколи, а наутро мы нашли себя у границ Фелморя, недалеко от Золотого города. По несчастью, там же рядом оказался пиратский баркас, и всё...

— Судя по тому, что вы здесь, вам удалось спастись.

— Как всегда, наблюдательны, сэр Фрэнсис. — Брауни вежливо улыбнулся. — По правде говоря, спасло меня чудо, или то, что я плакал слишком сильно.

Синденхейм слегка усмехнулся, но тут же потёр подбородок, и улыбка исчезла с его лица. Брауни выдержал небольшую паузу, будто вспоминая о своих давних приключениях.

— Баркас держал курс на Сандракар, этот порт тогда был менее цивилизован, нежели сейчас. Там меня и продали. Вот так в возрасте шестнадцати лет я очутился на хлопковой плантации. Надо сказать, что там бы дело и кончилось — условия, в которых я находился, могли пошатнуть даже здоровье крепкого юноши, но спустя несколько лет мне всё же удалось сбежать.

Их беседа, возможно, продолжалась бы ещё долго, если бы дверь в приёмную внезапно не открылась и их обоих не позвали внутрь. Брауни мысленно упрекнул себя за излишнюю откровенность, твёрдо решив впредь избегать меланхолических воспоминаний в присутствии сэра Фрэнсиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.